

ПОД СОЗВЕЗДИЕМ «КЕДРА»

Литературный альманах

Листок срока возврата

книга должна быть
возвращена не позже
указанного здесь срока

Колич. пред. выдоч.

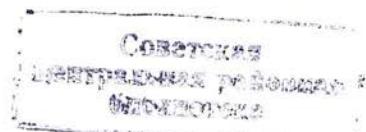
100031

84(2 Рoc)
к 144

ПОД СОЗВЕЗДИЕМ
«КЕДРА»

Литературный альманах

090132-3

ББК 84 (2 Рoc=Pyc)6

Выпуск посвящен 35-летию районного литературного
объединения «Кедр»

Муниципальное учреждение
культуры
«Межпоселенческая библиотека
Советского района»

ISBN 5-94007-047-7
ОАО «Советская типография», 2006 г.

Дорогие читатели!

За время, прошедшее со дня выхода предыдущего альманаха «Под созвездием «Кедра» в литературной жизни района произошли заметные события: вышли новые книги членов Союза писателей России Владимира Волковца, Александра Игумнова, Станислава Юрченко, Людмилы Ветровой, Валентина Степанова; выпустили свои первые поэтические сборники Анатолий Казанцев, Александр Смирнов, Александр Загоровский и Татьяна Степанова; увидели свет две книги документальной прозы Бориса Карташова. Стал выходить детский литературный журнал «Винни Пух и перья», в котором печатают свои произведения юные литераторы районного лите «Ростки». Сборник членов поэтического кружка «Истоки» Пионерской средней школы «Венок из одуванчиков» вышел под редакцией Анатолия Казанцева. Лауреатами премии Губернатора ХМАО-Югры в области литературы в номинации «Проза» стал Александр Игумнов, в номинации «Поэзия» - Владимир Волковец.

В районе проходили творческие вечера совместно с литераторами из Югорска, Нягани и Урая, гостями этих мероприятий были писатели из Москвы Владимир Фомичев, Тюмень Николай Денисов, Екатеринбурга Александр Кердан, Ханты-Мансийска Николай Коняев и Мария Волдина. Не счесть встреч с читателями.

Произведения наших писателей публиковались в альманахах «Эринтур» (Ханты-Мансийск), «Круговая чаша» (Екатеринбург), журнале «Наш современник» (Москва), московских еженедельниках «Российский писатель» и «Литературная Россия».

В нынешнем, третьем по счету, альманахе вы познакомитесь с новыми произведениями, как состоявшихся поэтов и прозаиков, так и начинающих, только пробующих себя на литературном поприще. Надеемся, новое знакомство вам запомнится, как запомнились два предыдущих выпуска альманаха.

Желаю вам творческого вдохновения, свежих впечатлений, интересных произведений!

Владимир Волковец,
член Союза писателей России

Борис Карташов

«КЕДР» И «КЕДРОВЦЫ»

(из книги «*Историю не переделать*»)

Большой гордостью редакции было литературное объединение «Кедр». Идею его создания подал П.А. Пляскин, а воплотили в жизнь сотрудник газеты Владимир Фомичев и журналист местного телевидения Владимир Кочкаренко в 1971 году.

Дело в том, что тогда (чего греха таить) ни у руководства района, ни у больших, средних и малых начальников до качественного соцкультбыта и активного отдыха населения просто не доходили руки. На первом месте было производство. Если уж строили клуб или Дом культуры, библиотеку, то по необходимости и по команде сверху. Да и мероприятия, в основном, сводились к проведению торжественных собраний по различным памятным датам, по окончанию которых давался небольшой концерт художественной самодеятельности. Поэтому создание литературного объединения было воспринято творческой молодежью с радостью.

Основатели «Кедра»: любители словесности, поэзии, музыки по натуре были вольнодумцами, эдакими диссидентами-шестидесятниками. Около них всегда собирались родственные души. Ведь в район, как я уже говорил, съехались люди со всего Советского Союза. В основном, молодые, образованные, полные дерзких надежд и помыслов, романтики. Это они строили железную дорогу Ивдель-Обь, возводили поселки, заготавливали тысячи кубометров леса для страны. Ощущение своей значимости в строительстве (да, да, не смейтесь!) нового светлого будущего было у каждого... но и неудовлетворенности, а то и непонимания политики государства, а значит и местных властей тоже.

Литературное объединение, а вернее, группа молодых парней и девушек стали по вечерам в помещении редакции читать друг другу свои произведения. Порой наивные, тоскливые, злые, несовершенные. Спорили, обсуждали, обижались на кри-

тику товарищей, мирились за стаканом дешевого вина. Затем лучшие из них печатались на страницах районки. А это уже признание, пусть не всенародное, но все же. И тебя уже называют «начинающим поэтом» или прозаиком. Приглашают на встречи со школьниками, семинары молодых литераторов в Ханты-Мансийск или Тюмень. И все это вместо пьянства после, а то и во время работы, бесцельных вечеров в общаге в компании картежников или просто ничегонеделания.

В принципе, в объединении никогда не было официального членства. Пришел человек на «огонек», ну и, слава Богу. Принес свой «шедевр» на обсуждение – молодец. Не появлялся в дальнейшем – значит, есть причины.

Собственный корреспондент газеты «Тюменская правда» Борис Андреевич Сухов слыл в районе не только журналистом, но и писателем. В редакции над ним подтрунивали: мол, пишет роман под названием «В таежном захолустье», сюжет хороший, вот только женский образ не выходит.

Приносит он однажды рассказ редактору «Путь Октября» Марату Мухаметшину, который начинался так: «Моя лыжня расходилась в разные стороны...» Марат почесал затылок: «Как же это – одна нога вправо, другая – влево?» Заспорили надолго. В конце концов, редактор не выдержал и послал Сухова с его рассказом на три буквы. Тот обиделся и написал жалобу в РК КПСС. Так, мол, и так, оскорбили собкора областной газеты, требую извинения. В райкоме решили передать это дело на рассмотрение в «Кедр».

Собрались. Обсудили. Марат принес свои извинения. Молодой писатель их принял. Тут же решили обмыть примирение. По ходу выпивающего горячительного Борис Андреевич опять залел разговор о своем рассказе, доказывая, что его оппонент был не прав. Мухаметшин мужественно молчал минут двадцать. Затем встал и громко сказал: «А пошел-ка ты, Андреич, все-таки на ...»

Все присутствующие его молча поддержали.

Однако костяк неформального общества существовал всегда. Это уже названный **Владимир Тимофеевич Фомичев** – москвич, поэт, человек беззаботно любящий Россию, приехавший на Север за «запахом тайги» из столицы. Жил в вагончике (кстати, сохранившемся поныне) вместе с маленьким сыном и женой, получал положенные 200 рэ, прирабатывал на телевидении, в других газетах. В общем, деловитый, увлеченный журналист. Скольким молодым дарованиям он дал путевку в творческую, да и просто в житейскую дорогу, помог в непростое время осознать значимость нашей великой Родины, просто стать настоящим патриотом своего Отечества. В последствии многие из его подопечных стали членами Союза писателей России, редакторами газет, руководителями предприятий. Кстати, сегодня Владимир Тимофеевич трудится в Москве председателем Ревизионной комиссии Международного Сообщества писательских Союзов стран СНГ, является академиком Международной Славянской Академии, лауреатом литературной премии К. Симонова и т.д.

В значительной степени Володино творчество сводится к выскакиванию большой симпатии к своему народу, государствообразующей нации исторической России, воспринимаемой как Родина-мать. Владимир Тимофеевич очень переживает за сегодняшнее воспитание подрастающего поколения, он активно борется против насаждаемой чуждой нашим народам «западной демократической свободы» в литературе и на телевидении. С горечью высказывает Фомичев свои мысли по этому поводу в стихах:

...Пучеглазые совы ТВ-передач,
Огоньковско-њью-йоркские псы перестройки –
Это за пустошенье и мертвенный плач,
Бедствий дождь обложной над родимой сторонкой.
Кобылятиной пахнет от клиповских шлюх,
Что ярят вороных жеребцов африканских.
И стоят изваяния нищих старух
Пред бесстыжими рожами в янковских штатах.

Едем в командировку на заливные луга Приобья описывать ударный труд наших рабочих на заготовке сена для подсобных хозяйств леспромхозов района. Именно в них в 70-80-е годы содержалось сотни коров, бычков, телок, свиней. Встречает заместитель директора по сельскому хозяйству Малиновского леспромхоза. С ним мы на арендованном катере отправляемся в бригаду сенозаготовителей, которые расположились в затерявшихся заливных лугах на левом берегу

Оби. Там они живут и трудятся вахтовым методом.

Подплываем к импровизированному поселению заготовителей. Вокруг бескрайнее море травы высотой по пояс, а то и выше, копны, стога. Спускаемся по трапу. К нам устремляется загородивший до ушей мужик и сразу начинает докладывать:

-Мы здесь ни при чем, он ночью появился у нашего берега. Тем более, что сразу же доложили своему начальнику. Пойдемте, покажу...

Мы, ничего не понимая, двигаемся в предлагающем направлении, пытаясь по пути выяснить, как тут работается, какие достижения, проблемы. Мужик смотрит на нас тоже удивленно.

-А вы это к чему? Зачем утопленнику наши заботы?

-Какой утопленник? – остановился от неожиданности Фомичев.

-А вы разве не из милиции?

-Нет, мы журналисты.

-Зачем тогда у тебя папка с бумагами? – подозрительно поинтересовался наш собеседник. – Их с собой только милиционеры носят для допросов.

Расхохотались все. Хотя утопленник все же был. Видимо всплыл здесь некстами.

Владимир Борисович Кочкаренко. На дух не выносил графоманов, с болезненной ответственностью радел за чистоту русского языка, переживал за судьбу России, нашего Ханты-Мансийского округа, в частности, - за массовые вырубки леса в районе. В 1975 году опубликовал поэму «Разговор с вальщиком леса», гдеставил нелицеприятные вопросы и проблемы по сохранению, восстановлению «легких планеты», неоправданному их уничтожению. Смелость по тем временам небывалая. Тем более, что «вальщиком»-то был Павел Васильевич Попов, дважды Герой Социалистического труда, делегат ряда союзных съездов КПСС и прочая, прочая, прочая... Это был вызов власти. Может быть, неосознанный, но шедший от сердца. И только благодаря, как ни странно, пониманию столь важной проблемы руководителями района: И.Н. Хмаруком, Н.Ф. Баженовым и Н. Т. Вокуевым, Володю не выгнали с работы, компетентные органы не стали выяснять, почему это тележурналист, поэт в

своем произведении пишет о том, что идет вразрез с политикой партии и правительства, которые специальным постановлением, наоборот, требовали увеличения заготовки и переработки древесины.

Вскоре у В. Кочкаренко вышла первая небольшая поэтическая книжка «Леса поют» в Средне-Уральском книжном издательстве. Он очень был доволен этим, полон радужных творческих надежд... Но, увы, внезапная смерть в 36 лет перечеркнула все. Это потом мы узнали, что его сердце получило два рубца от микроинфарктов, которые он заработал, пробивая свое детище - книгу, доказывая компетентным органам, что к диссидентству не имеет никакого отношения, оскорблять Советскую власть и КПСС не собирался. Последней каплей стало предательство, как ему казалось, близкого товарища.

Душой «Кедра» был Эдуард Александрович Баталин, «надежой» будущего Владимира Михайловича Волковец, Олег Анатольевич Ермолаев. «Совестью» редакции газеты и литобъединения считался Иван Логинович Козак. Постоянными участниками «междусобойчиков» можно назвать Бориса Иосифовича Лысака, Адольфа Гавриловича Раstryгина, Александра Ильича Губанова, Валерия Пономарева, Леонида Талаева, Анатолия Казанцева. Их произведения составляли основную площадь литературных страниц в газете. Частенько «на огонек» заглядывал секретарь по идеологии Н.Ф. Баженов, заместитель председателя райисполкома В.А. Захаров, директор средней школы №2 С. Пашпекин.

Частыми гостями в редакции по приглашению литобъединения были маститые писатели из Ханты-Мансийска, Тюмени, Свердловска, Москвы, союзных республик. Они, члены Союза писателей СССР, с удовольствием принимали приглашения, участвовали в семинарах молодых поэтов и прозаиков, рецензировали рукописи, проводили встречи в трудовых коллективах, выступали перед партхозактивом района. Конечно, не бесплатно. Приезжали по путевкам, которые им выдавало бюро пропаганды художественной литературы - специальный орган при региональных писательских организациях. Эти путевки оплачивали те, кто организовывал эти встречи. Как правило, профсоюзные организации.

Тюменского поэта Юрия Зимина сейчас помнят немногие. А вот в начале семидесятых он стал известен после публикации поэмы «Легенда о Самотлоре». Это было чуть ли не первое опубликованное в прессе поэтическое произведение, в котором показана не только героическая жизнь и работа нефтяников, но и их проблемы, быт, социальная сфера. Поэму одобрили в Тюменском обкоме партии. Закружили поэта встречи, торжественные вечера, званные и незваные обеды. Все это с водкой, вином, колбасой. И покатилось...

Вскоре оказался без семьи, без средств. Хорошо, что помогала областная писательская организация – периодически предлагала твор-

ческие командировки по региону. Так Юрий оказался однажды в Советском. В потертом костюме, мятой клетчатой рубашке он не походил на других поэтов и прозаиков. Но когда выходил читать, аудитория, затаив дыхание, не сводила с него глаз.

*Оборвали песню глухарю
В час, когда закрыв от мира уши,
Кровь свою вспухающую слушал,
И по птичьи говорил: люблю!...
...Оборвали песню глухарю...*

После долгой пирушки в компании «кедровцев» и приезжих художников слова я на следующий день очень плохо себя чувствовал. Предложил Зоту Тоболкину и Юрию Зимину пойти в ресторан, побывать. На немой вопрос Юры о «лечении», замахал руками, от одного только упоминания начинало тошнить...

А Юрий, налив полный бокал водки, стал пить ее мелкими глотками. Закончив действо, смарто произнес:

*-Ничего вкуснее не пивал.
Я тут же рванул к унитазу.*

Жители нашего района имели возможность общаться с Андреем Тархановым, Юваном Шесталовым, Еремеем Айпиним – национальной гордостью нашего округа, Леонидом Лапцуем и Романом Ругиным с Ямала. У нас побывали поэты Алим Кешоков с Кавказа, Виктор Боков, Людмила Шипахина из Москвы, драматург Ион Чобану из Молдавии, прозаик Владлен Анчишкин из Москвы. Особенно частыми гостями в поселках, на производственных участках были Владимир Назин из Екатеринбурга, Владимир Нечволова, Зот Тоболкин, Геннадий Сazonов, Николай Денисов, Александр Мищенко, Евгений Вдовенко из Тюмени. Евгений Федорович Вдовенко впоследствии совсем перебрался в Советский, прожил здесь десять очень плодотворных лет, написал несколько поэтических книг, организовал казачество. За большой вклад в развитие района ему присвоено звание «Заслуженный работник культуры России» и почетного гражданина Советского района.

Навсегда запомнилось мое знакомство с Евгением Федоровичем. В редакции районки он появился вместе с тюменским писателем Николаем Денисовым в форме майора десантных войск осенью 1975 года. И первое, что он спросил после знакомства, где можно привести себя в порядок: умыться с дороги, побриться, почистить мундир.

-Из Белоярска на вертолете прилетели, через несколько часов самолет в Тюмень. Неудобно перед вашими женщинами выглядеть помятым. Ибо женщина – это основа основ. – Помолчал немного, добавил, - Да и дома ждет молодая жена.

Потом было пару часов общения за круглым столом. Провожая в аэропорт, мне уже казалось, что я знаю этого человека вечность. Кстати, в разговоре выяснилось, что судьба пыталаась свести меня со Вдовенко еще раньше. Мы оба в одно и то же время служили в Забайкалье на железнодорожной станции Безречная, недалеко от монголо-китайской границы. Только Евгений Федорович офицером в штабе дивизии, а я рядовым, в авиаполку. Обмениялись телефонами, адресами. А вскоре он с семьей перебрался в Советский.

Русский офицер, поэт, неповторимый рассказчик, он больше всего на свете любил свою Отчизну. В двухтомнике «Избранное» он писал: «Моя Россия – это в том числе и Русь Кондовая. Именно здесь, на земле Советского района Ханты-Мансийского автономного округа Тюменской области эпитет Кондовая обрел для меня осозаемый смысл, ибо именно здесь истоки Конды, у которых я поклялся беречь родную природу как истоки самой России...»

*Свиристели на Руси да снегири.
Ели темные да мицаные болота.
Высоко взлетают столохи зари
Евроазии под русской позолотой.
Русь была и будет Русь, как ни крути.
Итаильянцу не понять ее, а впрочем,
Нам самим не ясно все за многоточьем
Очень путанного долгого пути...
Горемыки мы, едва ли не туземцы,
А скажи нам это кто-нибудь другой –
Лбы набычим, впору бою разгореться:
Легче, легче! Мол, сыскались европеицы!
И – туда же!..*

*Осади-ка, дорогой!..
Да не так уж и драчливый мы народ.
Русаки не рысаки, но и не зайцы.
Убери от нас московский огород,
Гикнем лишь – и в степь гурьбой,
мы ж – азиатцы!..*

*Роковым кровосмешением племен
Оскудели, окривели, окосели.
Смесь наречий, а, отсюда – и имен
Самотеком в имя вылилось РАССЕЯ.*

И кому оно, такое-то, во вред?..

Или мало россиянам

русских бед?..

Вдовенко был ловелас. За любой женщиной ухаживал так, что казалось это его единственная, любимая...

-Женщина для меня не только родоначальница человечества, она некто божественнее, возвышеннее. Может быть, поэтому влюблуюсь постоянно. Это мое вдохновение.

...За Аленкой моей, за Аленой,

За Аленушкой в поле иду.

И звенит колокольчик зеленый

С чистым небом и сердцем в ладу.

Динь-динь-динь –

Голос ветра и боли...

Динь-динь-динь –

И поет, и болит...

Но не в поле, - откуда здесь поле? –

То во мне колокольчик звенит...

Позвенит, позвенит, - оборвется,

Словно душу тоскою зальет,

Как себе самому отзовется

И опять сам себя позовет...

Белый лес.

Голубая береза.

Взгляд любимой – росистая синь.

Колокольчик болит, как заноза,

И звенит:

динь-динь-динь,

динь-динь-динь...

Он прожил долгую жизнь и всю жизнь был Поэтом. Был стоек к любым невзгодам и бедам. Даже когда узнал, что жить ему осталось несколько месяцев, продолжал писать стихи и любить женщину.

Творческий вечер в соседнем Октябрьском районе, посвященный Международному женскому дню. Мы, члены «Кедра» уже давно сидим на сцене Дома культуры – нет только Евгения Федоровича Вдовенко. Начинаем первничать: что случилось? В этот момент из-за кулис он появляется с громадным букетом цветов и начинает раздавать их присутствующим женщинам

нам. Те без ума от бравого казачьего полковника...

После окончания мероприятия, Женя отозвал меня в сторонку:

-Слушай, старик, одолжи денег на билет до Советского, - на удивленный мой вопрос продолжил, - на цветы все истратил, не рассчитал.

Часто писателям Советского вспоминается прозаик Зот Корнилович Тоболкин, автор многих исторических романов («Отласы», «Грустный шут»), драматических произведений «Жил-был Кузьма», «Баня почерному», по ним ставились спектакли не только в Тюмени, Омске, но и в Москве. Он всегда с удовольствием выступал перед производственниками, работниками культуры, партапаратчиками. Рассказывал о себе, творчестве, своих новых книгах, цитировал выдержки из них. Обязательно подчеркивал, что он 18-ый ребенок в семье.

Помню, как-то Зот проговорился, что очень любит грибной суп, который напоминает ему о доме, детстве, родных. Я тут же пригласил его отобедать к себе, предварительно предупредив тещу, чтобы она подготовила грибницу из сушечных грибов (была ранняя весна). Зот Корнилович после трех добавок взмолился: «Хватит, а то лопну». И тут же добавил: «Вот если б мешочек сухих грибов в подарок – угостить домочадцев». Я поинтересовался у тещи, где находится искомый деликатес.

-Да в холщовом мешочке, - теща хотела его достать из шкафчика.

-Я сам достану, - остановил ее.

То ли после обильной пищи, то ли принятия 200 г горячительного напитка поленился развязать мешочек, чтобы убедится что там, пошутил – хрестит, значит, грибы. Взял и вручил его Зоту. Тот засунул его в свой потертый портфель.

Вечером теща долго возилась на кухне, затем спросила:

-А где сухари, хочу сухарницу приготовить...

Я моментально подлетел к шкафчику, вытащил холщовый мешочек, развязал... грибы были на месте. Тут же позвонил в Тюмень Тоболкину, давясь от смеха, поинтересовался, понравились ли грибы родственникам. В ответ услышал его коронное: «Ну, ты, ваще...».

Отдельно хочется рассказать о людях, с которыми я дружу всю жизнь.

Родовой донской казак, знаток российской истории, лирик, рыбак, охотник, любитель путешествий **Александр Ильич Губанов** работал более 30 лет учителем в школах Советского района. Заслужил звание «Отличник народного образования». Исколесил со своими учениками почти все знаменитые исторические места Советского Союза. Много лет подряд возглавлял летний трудовой лагерь в Ростовской области во время каникул. Его жизнь – постоянное стремление узнать что-то новое, быть в гуще событий, делиться знаниями с людьми. Движение – жизнь, остановиться смерти подобно для него.

*- Слушай, давай убежим, -
в юности говорил.*

*Было здесь все чужим,
но – потихоньку жил.
Дети, жена...*

невмочь.

*Дома – тюремный режим.
Смотрит тоскливо в ночь:
- Слушай, давай убежим...
Кончился жизни круг.
Как он спокойно лежал.
Так и казалось, вдруг,
скажет:*

- Все, убежал!

Сейчас Александр Ильич на заслуженном отдыхе. Но связей с «кедровцами» не теряет, периодически ведет на районном телевидении передачи «Уроки истории». В общем, живет полнокровной жизнью.

*Был у Александра Ильича любимый кот.
Лелеял его, кормил разными деликатесами, баловал как младшего члена своей семьи.*

Однажды собрались у Губанова дома поиграть в преферанс (была у нас такая страсть),

как водится, приобрели бутылочку. В это время, нектати, вызывают Александра в школу по делам. Чертыхнувшись, сказал:

-Вы тут располагайтесь, пока потренируйтесь, распишите небольшую пульку. Я быстро, успеете по стопочке выпить...

Мы воспользовались его советом, открыли бутылку, а закуски-то нет. Заглянули на кухню. На столе стоит тарелка, наполненная тушенкой, перемешанной с сырыми яйцами. Решив, что это хозяин приготовил для нас, распрабовали угощенье под водочку.

Через несколько минут вернулся Ильич:

-Ну что, разговелись, молодцы. Налейте и мне. А закусываете чем? Сейчас что-нибудь согношу...

Тут же из кухни раздался его возглас:

-Это кто обед кота Василия съел? Я последние тушенку ради него открыл.

Мы потрясенно молчали...

Поэт, прозаик, философ, любитель российской словесности, компанейский парень, любимец детей – это все о нем – **Владимире Михайловиче Волковце**. Вся его сознательная жизнь связана с Советским. Здесь он начал свою трудовую жизнь, сюда же вернулся после службы в стройбате и очной учёбы в Литературном институте им. А.М. Горького, состоялся как творческий человек.

Отпечаток пальца – срез
Годовых колец древесных.
Подхватил меня экспресс и –
Поредел отцовский лес.
В толкотне вагонных верст,
На изломах дней усталых
Не припомню полустанок,
Где мальчишкою пророс.
Позабыл, откуда я,
Где товарищи по детству?
Помню – рос, а по соседству –
Сосны, вербы, тополя...

Его слово простое и доходчивое, поэтому стихи Волковца читают в школах, знают не только в районе. А еще он обычный человек со своими недостатками и достоинствами, которые Володя не скрывает. Если

любит, то без оглядки, если ненавидит, то на всю жизнь. Благодаря ему в районе появились молодые поэты и прозаики, многим из которых дал путевку в литературную жизнь.

Идем домой после празднования дня рождения коллеги-журналиста. Как всегда рассуждаем о смысле бытия. Доходим до улицы Киевской, останавливаемся, рассматриваем скопище бабушек-торговок на «пятаке». Я, поддерживая Володю за рукав, задумчиво говорю:

-Продать, что ли тебя?

-Попробуй, - соглашается поэт.

Становлюсь среди бабушек вместе с Волковцом и начинаю громко призывать проходящих, купить еще не старого, хозяйственного мужика. Неожиданно останавливается женщина:

-А ну, покажи! Да он же лыка не вяжет! У меня дома такой свой есть...

Я понял, этого поэта не только никто не продаст, но и не купит.

Владимир Фомичев

Член Союза писателей РФ. В 70-х годах работал в районной газете «Путь Октября». Автор поэтических сборников «Белый космос», «За семью печатями» и других поэтических и публицистических книг. Им написан роман о нашем таежном крае «Север Северище», главу из которого публикуем в сокращении.

ВОСХОДЯЩАЯ ЗВЕЗДА

Тюменская область – огромная строительная площадка. ЦК ВЛКСМ объявил ее ударной комсомольско-молодежной стройкой. Во многих, вчера еще совсем глухих местах, удивительно быстро появляются новые города и поселки, которые связывают между собою только что проложенные железные и автомобильные дороги, самолеты и вертолеты. Устремились через тундру и тайгу стальные нефте- и газомагистрали – трубопроводы.

Главными людьми в области являются геройские первопроходцы-труженики: геологи, буро-вики, строители. К ним приковано внимание всего общества. И столица, и самые отдаленные уголки Родины ждут о них вестей, как с фронта.

В Тюменской области после нефтегазовой является одной из основных лесная (лесозаготовительная и деревообрабатывающая) промышленность. Леса на юге в основном выработаны, началась заготовка древесины в северной тайге. Появление здесь леспромхозов напрямую связано со строительством железной дороги Ивдель-Обь, правительственное решение о чем было принято в пятидесятые годы. В конце 1957-го начались подготовительные работы, а в марте 1959-го стали прокладывать стальную колею. Через два года и восемь месяцев она пересекла границу Свердловской и Тюменской областей, а 2 апреля 1967-го состоялся митинг в Сергино (Приобье), посвященный выходу строителей железной дороги на последнюю станцию.

Одновременно с укладыванием рельс возникали поселки лесозаготовителей: тысяча девятьсот шестьдесят первый – Таежный, на сто тридцать пятом километре, и Пионерский как база дальнейшего продвижения к Оби; шестьдесят третий – Малиновский, Комсомольский, Советский – нынешний райцентр, мало чем отличавшийся от остальных, и Зеленоборский, в тридцати километрах северо-восточнее от Советского; шестьдесят шестой – Алябьево и Коммунистический (Самза), на сто пятидесятом километре от поселка Таежного, это собственно и есть протяженность Советского района с запада на северо-восток, имеется еще база нефтеразведчиков Пантынг, а дальше Обь и Октябрьский район. Поселок Агириш создан в шестьдесят девятом году на северном ответвлении от стальной колеи Ивдель-Обь.

Указ Президиума Верховного Совета РСФСР об образовании Советского района из Березовского и Кондинского появился 15 февраля 1968 года, за три с небольшим года до прибытия в «столицу тайги» нашего героя Павла Афанасьевича Котова, а самой человеческой жизни здесь было лишь восемь лет, в первых поселках района ее возраст равнялся десяти годам. Все дышало свежестью и устремленностью в будущее.

Следует назвать хотя бы несколько характеристических черт отдельных поселков. Пионерский, например, будучи временной базой дальнего строительства железной дороги и следующих поселков лесозаготовителей имел в основном неустроенное жилье. Зато рядом с ним находящийся Алябьевский сразу начали возводить капитально, с благоустроенным жильем, с индивидуальными домами, газификацией и телефонизацией, оно с самого возникновения отличалось чистотой и основательностью. Чуть подальше – Малиновский, с надворными постройками и приусадебными участками, с фермой крупного рогатого скота, птичником, крытым бассейном. Коммунистический тоже строили добротно. Самый же молодой, Агириш, десятый по счету рабочий поселок, на севере района, вообще не имел времянок, его красивые здания вблизи верховья Малой Сосьвы отлично гармонируют с живописными окрестностями.

В таежном kraю, где десятилетие назад не проживал ни один человек, лишь иногда раздавались выстрелы охотника, вспугивая чуткую тишину, теперь не смолкают моторы тракторов, бензопил, автомашин, вывозящих из делян хлысты, в основном, сосновые. Дремучие дали оглашают гудки тепловозов, волокущих по железной дороге составы с круглым лесом, шпалой, рудничной стойкой, которые ждут в различных местах Союза.

За годы только что минувшей восьмой пятилетки сюда пришла новая высокопроизводительная техника. Сквозь лесные массивы пролегли трассы круглогодового действия, предприятия получили необходимое ко-

личество башенных кранов, мощных автомашин и гусеничной техники. В результате неиссякаемой инициативы вальщиков и механизаторов передовые бригады Егора Илларионовича Молитвина, Виля Мирсаидовича Мухометзинова, Героя Социалистического Труда Петра Ниловича Лошакова и других, став комплексными, впервые в лесопромышленной отрасли Советского Союза ввели двух- и даже трехсменный режим работы в делянах, на вывозке хлыстов и нижних складах. Производительность труда на лесозаготовках резко возросла. Совсем недавно лесосечная бригада имела потолок выработки восемнадцать кубов древесины, а в прошлом году многие такие коллективы заготовили в три-четыре раза больше. В текущем году они взяли обязательства достигнуть восьмидесяти- и стотысячных рубежей. Регион приобретает всесоюзную известность, становится базой передового опыта в лесопромышленной отрасли.

- Как сумрачно! – произнес Павел Афанасьевич, проснувшись в свое первое утро в поселке Советском, посмотрев на него из окна гостиницы «Тайга».

Райцентр, придавленный низким свинцово-оловянным небом, на котором даже трудно было предположить появление солнца, имел хмуро-непривлекательный вид. Шел дождь вперемежку со снегом, выкрасив заоконный пейзаж в преобладающе серый тон. «Будто побитая мокроунылая собака», - почему-то пришло в голову.

Вдруг именно собака откуда-то появилась во дворе, сразу взбодрив новичка своей грациозной статью. Это была коричнево-белая чистых кровей западносибирская лайка: морда гордо поднятая и умноющая, острые пики-ушки, грудь выпячена, лапы пружинисто-стройные, бодро закрученный крендель хвоста. Не только нельзя смотреть безучастно - глаз невозможно отвести! Всегда удивляет, устремляет ввысь дух такое изящество, совершенное изваяние природы.

- Здравствуй, моя распектенная землячка по Северу Северищу! - невольно произнес вслух Котов, как будто поцеловал свой начальный день во всем таинственной грядущей жизни. Воображение мгновенно нарисовало ее, эту жизнь, ибо по командировкам в края похожие имел некоторое представление о ней, - богатырской, державной, много честной и славной, утопающей в делах, с весенным дыханием своим и грядущих друзей, а также зауральской русской тайги. – Да сбудутся мои мечты и навсегда сольются с величием редкой красоты, которую судьба дает шанс постичь, красоты Сибири высоких широт, символизируемой этим изумительным четвероногим существом! – восхликал никому не знакомый во всем районе тридцати трехлетний, высокий, черноволосый, с густыми усами адмирала Нахимова статный мужчина.

Главный идеолог «Новой Земли П. Котова» - второй секретарь райкома партии Павлин Памфилович Чаянов, к которому на прием при-

шел неожиданный для него собкор «Ленинской правды», являлся искусенным партийным работником. Долгие годы возглавлял отдел пропаганды и агитации Ханты-Мансийского окружного комитета КПСС. Там и вступил на стезю выразителя интересов направляющей силы общества, сразу после завершения учебы на историческом факультете Ленинградского пединститута имени А. И. Герцена, после выпуска ни дня не проработав в школе, принятый инструктором в окружком. Здесь прошел путь к зрелости и мудрости. Хантымансищина его родимые места и, естественно, потому его живительный воздух современности, конкретика социалистического мира.

Вид Павлин Памфилович имел несколько суровый и бризгливый. И начало беседы с ним не предвещало душевной расположленности хозяина кабинета к прибывшему.

-Вы коммунист? – задал он первый вопрос.

-Наполовину, – ответил Павел Афанасьевич.

-Как это прикажете понимать?

-Исключен первичной парторганизаций.

-За что?

-За то, что осмелился встать на здравые позиции по отношению к заворовавшему начальнику Центральной нормативно-исследовательской станции по строительству нефтепроводов (ЦНИССТРОЙНЕФТИ), где работал.

-Апелляцию подавали?

-Конечно же, я обжаловал это решение. Надеюсь, что при отсутствии беспрецедентного давления и откровенного хамства со стороны того моего шефа при рассмотрении обстоятельств этого персонального дела партийная комиссия райкома восстановит меня в КПСС.

-А если не восстановит?

-Тогда пополню ряды так называемых «беспартийных коммунистов».

-Хлесткий вы парень, как видно. Только, может быть, извините, мозгов нет?.. А за что же все-таки вас так покарали?

-Меня обвинили бог весть в чем. Все повернули шиворот-навыворот. После этого случая порой кажется, что Москва – сумасшедший город, в котором, когда требуют темные силы, не верят слову даже друга и учителя о человеке. Никаких особых проступков вроде не имел, но после моего критического выступления в адрес руководителя учреждения на партсобрании, кстати, в соответствии с обязывающим это делать Уставом КПСС, вдруг чуть ли не полным безобразием оказалась вся моя прошедшая жизнь. Такие утверждения смехотворны.

-А где вы родились и в какой семье, чем раньше занимались?

-Появился на свет в лесной деревушке Центральной Руси, при-

мерно в пятистах километрах от Белокаменной. Пережил с односельчанами многомесячную оккупацию и послевоенную разруху. Отец пал на фронте, четверых детей поднимала мать. В отчим kraю закончил семилетку с Похвальной грамотой, затем в Москве – автомобильный техникум и историко-филологический факультет Государственного педагогического института. Три года служил в ГДР механиком-водителем танков группы войск Советской Армии. Работал учителем, директором школы – на селе и в городе, в дневной и вечерней школе, а также заведующим отделом районной газеты. На последнем месте труда пропагандировал передовой опыт на нефтяных стройках, писал плакаты и листовки, участвовал в подготовке и издании сборников Единых норм и расценок. В связи с такой деятельностью вдоль и поперек исколесил Союз, в том числе и Тюменскую область. Совсем недавно целый месяц в составе группы специалистов Министерства нефтяной и газовой промышленности, по просьбе ЦК ВЛКСМ, участвовал в мероприятиях по оказанию помощи комсомольско-молодежным трестам. Читал лекции в Сургуте. Написал плакат «Надым зовет молодых», который рассыпали в воинские части для привлечения демобилизующихся ребят на эту важнейшую стройку. Там я изложил, что она из себя представляет, в каких условиях и на каких условиях придется жить и работать тем, кто надумает связать свою судьбу с Ямalo-Ненецкой тундрой.

-А в партию когда вступили?

-Кандидатом стал еще во время службы в армии.

-Раньше имели партийные взыскания?

-Нет, не имел.

В этом месте разговора в кабинет Чаянова вошел молодой энергичный мужчина по виду лет тридцати, как оказалось, председатель Комитета народного контроля Вячеслав Арсеньевич Уханов. Поздоровался. На лице его была написана какая-то озабоченность. Павлин Памфилович представил Уханова и Котова друг другу.

-Вячеслав Арсеньевич, - произнес он, обратясь к главному народному контролеру, - вы подыскиваете внештатного заведующего орготделом. Вот рекомендую новичка, пусть это будет для него общественным поручением, которое ему все равно как коммунисту надо иметь. Да и срочная необходимость есть в этом, как сейчас выяснилось при нашей с ним беседе. Я попозже расскажу о сложившейся у москвича ситуации, с которой нам так или иначе в недалеком будущем придется знакомиться основательнее. – И спросил у Котова: - Какие нагрузки имели от парторганизаций, в которых состояли на учете?

- Да за более чем десятилетний период самые разнообразные: возглавлял избирательную комиссию при выборах в местные Советы, партийную организацию в школе рабочей молодежи, литературное объединение

ние учащихся и студентов «Юность» при Центральном Доме учителя, вел семинар в системе политпросвещения, выполнял множество отдельных поручений.

-Невольно хочется верить, что справитесь и с работой внештатного заведующего организационным отделом нашего комитета НК, - заявил второй секретарь. – Думаю, если Вячеслав Арсеньевич не возражает, то он сейчас и введет вас в курс дел, определит ваши ближайшие конкретные действия. А затем не забудьте зайти в сектор учета к Марии Ипатьевне Воскобойниковой, она запросит ваши партийные документы.

- Я, Павлин Памфилович, собственно с тем как раз к вам ишел, - сказал Уханов, - помня нашу договоренность посоветоваться в этом плане. Что ж, будем считать, что моя сегодняшняя неотложная проблема решена. Пойдемте, товарищ Котов, ко мне, чтобы окончательно со всем определиться.

В своем кабинете он рассказал будущему активисту комитета о правах и обязанностях «заворга», общем состоянии дел, ближайших мероприятиях дозорных. Поручил ему «как человеку пишущему» вести ежемесячную страницу «Народ контролирует» в районной газете «Путь Октября» и попросил срочно, «прямо сейчас же», съездить в Комсомольский, чтобы разобраться в гонениях администрации строительно-монтажного управления газовиков на председателя группы народного контроля.

-Машина стоит у подъезда, я водителю сейчас скажу, куда ехать, - определился он. – Завтра у нас заседание комитета. Мы пригласим на него участников конфликта, который рассмотрим на основании вашей справки и примем решение. После того, как побываете у Воскобойниковой, садитесь в газик и – вперед! В СМУ я позвоню, чтобы были готовы встретиться с вами и все, что нужно, вам показали, представили необходимые документы. Кстати, думаю, это прекрасная тема для первого материала собкора окружной газеты «Ленинская правда» Котова, которая, уверен, вам придется по душе. Лады?

-Еще какие! – засмеялся Павел Афанасьевич, обрадованный заряженности Уханова на поступки, а не на формальность, не на рассусоливание, как говорится, а также ободренный четкостью поставленной задачи и наметившимся продуктивным ритмом своего рабочего дня.

Обменявшиеся крепким рукопожатием, свежие сотоварищи разошлись до завтрашней здесь же встречи.

Мария Ипатьевна Воскобойникова, женщина средних лет, мансийка, с характерным для этого народа смуглым лицом, выполнив формальные действия по постановке на учет, поинтересовавшись семейными делами Павла Афанасьевича, спросила его:

-А где вы жить будете?

-Прямо-таки не знаю, пока остановился в гостинице. Может быть, какую-то времянку арендовать или купить?

-Об этом забудьте и думать. Вряд ли в нее согласится вселиться ваша жена-москвичка, да еще с такой малой крохой. И вы должны усвоить: как только переберетесь во времянку, так больше никто вашим жильем не будет заниматься, посчитав, что по временному варианту вопрос решен. Но известно: временное решение – самое постоянное... - Затем, после некоторого раздумья, решительно воскликнула: - Идемте к Никите Матвеевичу Краткому, первому секретарю!

-Да что вы? Неудобно занимать его такой частностью в личной жизни одного человека.

-Идемте, идемте немедленно! – решительно направилась она к двери.

Главное в районе лицо, узнав причину просьбы о встрече с ним, приняло Котова немедленно. Это был сорокатрехлетний приземистый средоточенный, уверенный в себе, уроженец города Ханты-Мансийска, взгавлявший до перемещения в Советский партийную организацию Кондинского района. Павел Афанасьевич был весьма удивлен быстротой встречи с ним. В Москве он стоял в очереди на прием к первому целие полгода, тоже по проблеме жилья, но так и не мог встретиться с такой важной фигурой. Сейчас он доложил Никите Матвеевичу, что принят на должность собкора окружной газеты по Советскому району. Подобную мечту вынашивал давно, рад ее осуществлению, уже сегодня начнет готовить первый материал о работе народных контролеров, но есть одна досада – негде жить. И пояснил:

-У меня и в столице квартиры нет. Живем втроем, с женой и двухлетней дочуркой, на тринадцати метрах в соседстве с законченным алкашом. Нас вдребезги измучили и он сам, и его такие же друзья-приятели, от сумасбродств которых ни днем ни ночью нет покоя. В немалой степени именно из-за драматического жилищного вопроса я и решил поселиться на Крайнем Севере. Заимел очередь в «моем» районном исполкоме на получение квартиры. Очередь длится по столичным меркам десять лет и будет сохраняться при работе здесь. Однако теперь, получив прекрасную должность в Советском, соответствующую моей основной жизненной склонности писать, я должен иметь хотя бы несколько метров жилой площади, чтобы поставить на ней кровать, стол, стул и без помех делать свое дело.

-У нас есть место журналиста и жилье для него в поселке Комсомольском, в редакции телевещания, которую создали год назад, - стал рассуждать вслух Краткий. - Это первая возможность не разочаровать вас северной действительностью, но вам, если придется трудиться в телередакции, тогда предстоит приспособиться к другой публицистичес-

кой специфике.

Я также поговорю с начальником развертываемой Передвижной механизированной колонны, что в трех километрах от райцентра, Борисихином Тихоном Илларионовичем. По моим сведениям, у него минимальный резерв жилой площади сохранился.

Когда Павел Котов подошел к машине, чтобы ехать в Комсомольский, то, оказалось, что это персональный транспорт председателя исполнкома райсовета Трофима Афиногеновича Рыбова, и он сам тоже направляется туда же, в поссовет, хотя с начала рабочего дня его поездка не намечалась. Хозяин стоял у «газика». Это был высокий с доброжелательным выражением лица мужчина. Представившись и поздоровавшись за руку, он пригласил собкора в салон, сообщив:

-Едем вместе. Сейчас не совсем видно, как там по времени сложатся дела у меня и у вас, но, вполне возможно, возвратимся в составе такого же экипажа.

Дорога была короткой, но Трофим Афиногенович все же вкратце, отвечая на вопрос Котова, как решается проблема с питанием населения, успел рассказать корреспонденту о развитии и организации сельскохозяйственных предприятий и производства продуктов сельского хозяйства в районе, и, чувствовалось, гордился этим:

-Исполком Совета депутатов трудящихся взял курс на развитие птицеводства, животноводства и овошеводства в закрытом грунте. Это задача обеспечения людей свежими продуктами, ведь мы отдалены от сельскохозяйственных предприятий. В Комсомольском, куда едем, есть подсобное хозяйство, в котором построены коровник на двести и телятник на двести голов, в Малиновском леспромхозе – свинарник на двести голов, введено девять теплиц по шестьсот квадратных метров каждая. Располагаем производственной площадью на шестьдесят-семьдесят тысяч кур-несушек, хотя пока разместили двадцать семь тысяч.

Рыбов свободно оперировал именами доярок, телятниц, птичниц, овошеводов, а также фактами надоев молока, привесов животных, приплода, яйценоскости, рассказывал о ближайших и перспективных планах укрепления материальной базы сельскохозяйственного строительства. Он рассматривал его как возможность значительно повысить благосостояние людей и, как выразился, «разнообразить, сделать богаче стол трудающихя». Новичок Кондинско-Сосьвинского края видел мудрость местной советской власти также в том, что она, как поведал Трофим Афиногенович, поголовно нацеливала жителей района на занятия огородничеством, разведенис животных и птицы, а заготовительные организации – на усиление сбора ягод и грибов, создание условий для их переработки. Расставаясь на время с главным хозяйственным человеком осваиваемого региона, москвич подумал: «Отменное видение и ведение своего кораб-

ля!» А затем, вспомнив прибаутку собственной благоверной Тамары, внутренне улыбнулся: «Дуракам везет». Моментально познакомился с тремя главными властелинами Советского края - Кратким, Чаяновым, Рыбовым. Да и с Ухановым. Разговелся удивительными знакомствами с начальственными людьми, слава Богу, не канцелярского облика».

Заготовка древесины, разделка хлыстов на сортименты и вывоз лесопромышленной продукции по железной дороге являются главным делом жителей, хотя здесь, как уже знает читатель, идет интенсивное строительство, располагается мощнейшее Северо-Уральское управление магистральных газопроводов (СРТО – Урал) и, как узнает на следующих страницах романа, царило оживление в других важнейших сферах жизни. За годы девятой пятилетки, когда будет жить и трудиться в Советском Павел Афанасьевич Котов, район станет производить пять миллионов кубометров «мягкого золота», одну восемидесятую часть производства его во всей стране. Лесопромышленный комплекс выйдет на самые передовые рубежи. Одновременно с увеличением объемов заготовок в леспромхозах вдоль Ивдель-Оби взят курс на деревопереработку. Началось строительство крупнейшего в отрасли Советского лесопильно-деревообрабатывающего комбината, сооружение лесозаводов в Комсомольском, Малиновском, Советском, Алябьевском, Коммунистическом. Войдет в строй современная многооперационная техника, будут внедрены новые технологии, достигнута высокая организация труда.

В честном информационном обеспечении этих процессов Павлу Котову предстоит сыграть существенную роль. Они так сольются с ним, что станут его собственной судьбой, любовью к жизни. Здесь ему станет дороже сама Родина.

Вечер-презентация
книги Бориса Карташова «Историю не переделать»
в районном музейно-выставочном центре г. Советский.

Открыла мероприятие приветственным словом директор музея Н.В. Шабалина

С информацией о литературных делах выступил член Союза писателей РФ В.М. Волковец:

«Прошло пять лет со дня выхода второго выпуска альманаха «Под созвездием «Кедра». За это время, несмотря на экономические перепады в градообразующих предприятиях района, город и поселки заметно изменили свой архитектурный облик, повеселились, благоустроились. Строятся многоэтажки, индивидуально частные дома, магазины (редко встретишь киоски-однодневки, предприниматели строят всерьез и надолго), объекты соцкультбыта.

На этом фоне эффективно повысилось полиграфическое исполнение, выпускаемых ОАО «Советская типография» книг местных авторов. Только в этом году выпустили свои первые книги Анатолий Казанцев, Сергей Пудов, Александр Смирнов, и очередные - Борис Карташов, Вячеслав Смоленский (причем сразу две - стихи и рассказы), вышел сборник членов детского поэтического кружка «Истоки» Пионерской СШ «Венок из одуванчиков» и Владимир Парфенчик отпечатал свою поэму «Авдотья». Это наиболее заметные книги. Есть, конечно, авторы, выпускающие свои книжки тиражом до 50 экземпляров, чтобы только раздарить своим родным и знакомым. Они не в счет. Издана книга стихотворений Николая Бакалова.

За пять лет при финансовой поддержке администрации района увидели свет книги членов Союза писателей России Владимира Волковца, Людмилы Ветровой, Станислава Юрченко, Александра Игумнова, Валентина Степанова, поэтический сборник «Потому что советские мы...», книги стихотворений Любови Цоневой, сборник литературного творчества детей «Самостоятельный полет», книга о Советском районе, а также книга о ветеранах войны, посвященная 60-летию Победы. Некоторые из них отпечатаны, к сожалению, в других типографиях, что не добавило им качества исполнения. Чтобы быть последовательными в освещении истории становления района, к его 40-летию нужно готовить книгу очерков о людях труда, награжденных за производственные успехи. Дело трудное, но необходимое, так как подрастающее поколение должно знать о тех, кто осваивал таежный Север, строил первые улицы, прокладывал дороги, заготовлял и перерабатывал древесину, лечил нас, учил грамоте и уму-разуму. Книга должна быть живой, а не схематичной, с выпуклыми портретами-очерками, фотоснимками тех лет. За это дело готов взяться Борис Карташов, опыт документальной прозы есть, 30 лет живет в районе, знает людей. Подтверждением тому, нынешняя его книга «Историю не переделать».

По праву наш район считается одним из самых литературных, у нас пять членов Союза писателей России. Каждый выпустил несколько книг. Их произведения печатались в альманахах «Эрингтур» и «Круговая чаша», журналах «Наш современник» и «Мир Севера», еженедельниках «Литературная Россия» и «Российский писатель». Это только часть наиболее известных изданий.

Ежегодно наши писатели проводят встречи с читателями в поселках района, в школах, библиотеках и в районном музейно-выставочном центре. Причем, на литературные встречи приезжают писатели из Югорска, Нягани и Урая, что вносит определенное разнообразие во встречи, да и от такого широкого общения выигрывают все. Постоянно участвуют в них и не члены Союза писателей РФ Анатолий Казанцев, Александр Смирнов, Борис Карташов, Юлия Фахрисламова, Вячеслав Смоленский, Николай Бакалов, а также юные литераторы.

Много доброго делается в отношении литературного воспитания юной поросли. Почти в каждой школе есть литературные кружки, в детской библиотеке г. Советский работает литературное детское объединение «Ростки». Творчество его участников отражено на страницах детского литературного журнала «Винни Пух и перья», кстати, единственного в округе и награжденного на московской книжной выставке «Пресса-2006» грамотой «За пропаганду детского литературного творчества». Творческий потенциал района неисчерпаем. Заслуживают издания рассказы Александра Губанова, стихи Александра Загоровского, живописные альбомы наших художников Вадима Савинова, Виктора Ельчанинова, Александра Смирнова, Юрия Васильева, Юрия Зарубина, картины их мы видим только на редких выставках в музее. Да и члены Союза писателей РФ постоянно работают над новыми книгами, понимая, что кроме морального удовлетворения они никаких материальных благ не принесут.

Со словом о 38-летии со дня выпуска первого номера районной газеты «Путь Октября» главный редактор М.П. Глазырин. Многие из сегодняшних литераторов стартовали с ее страниц в большую литературу. Он поздравил сотрудников газеты и присутствующих с этой датой и сказал, что какая бы ни была горькой история – это наша история и ее должны знать те, кто идет за нами, чтобы правильно судить о времени и людях.

Затем с историей написания книги выступил виновник торжества Борис Карташов.

Фото Н.Семина

Светлана Артемова (Пахтышева)

Родилась в 1984 году, жила и училась в п. Агириш. В 2006 году окончила филологический факультет Югорского государственного университета (г. Ханты-Мансийск). Живет в Советском.

Любовь

Не сердце – на кон выставлялась Корона.
Молитесь в подвалах! Молчите у трона!
Как черная птица та черная шуба...
И лязгали в замках замки,
Мерзли губы.
Глаза – на луну,
И луна отражала
Как в зеркале профиль его
На кинжале.
А острые шпаги
Срывалась, визжала.
И путалась в фалдах, и путалась в шали.
Не смех и не плач.... Как похоже на воду!
Не плыть, не тонуть, не летать –
Замарали.
Не свадьба когтями душила свободу –
Душило письмо на ее одеяле.
Шептала: не бойся, не надо, не надо,
Но слезы катились на белое платье.
Вчера целовать, целовать была рада.
Стальное целует сегодня распятье.

декабрь 2006

Голова

Затошнило опять от мечтаний,
От крутящихся в мыслях глаголов.
Не спланировать всех оправданий,
Не спастись от сердечных уколов.

Не собрать в одну строчку все буквы
И не выстроить маршем слова.
Сколько можно заламывать руки!
Мне не хочет помочь голова.

Где-то близко тревожно под кожей
Пробегают мурашки стихов.
Подлость! Мне голова не поможет.
Нет, не верит, что снова – Любовь.

Хорошо ей спокойной и смелой:
Что придумать – что предугадать.
Сердце, бейся, влюбляйся и делай!
Будем вместе с тобой пропадать.

ноябрь 2006

Воровка (цикл о нем...)

В кольцах цепкие пальцы,
На запястьях браслеты.
Как смеялась, скитальцам,
Раздавая обеты.
О беззлачном счастье,
О единственном доме.
Только знала: опасность
Все невзгоды разгонит.
А скитальцы просили:
Замолчи и помилуй!
А скитальцы в ответ получали:
Ах, милый!
Заводила в пещеру,
Обирала до нитки.
Не просила, а смело
Воровала улыбки.
Городами дорога не кончалась
А счастье
Приносила тревога
За тузов одной масти.

***

А гордость и совесть вогили дуэтом,
До самых высоких октав доставая.
И грач хохотал. И застигнута светом
Фонарным, спешила воровка хромая.
Под свой капюшон хитрый взгляд укрывая,
Надменной улыбкой меня одарила.
Я с вызовом крикнула: Да! Я такая!
До боли в запястьях сжимая перила.

Река застыла под тяжестью неба,
А серая слякоть в асфальтовой луже
Легко расползлась. И я знала: к обеду
Мне сон и покой уже будет не нужен.
Я завтра воровкой пойду по дорогам,
Лукаво заглядывать в лица. О! Отче!
И стану смеяться над чертом двурогим.
Он – сказка в сравнении с нынешней ночью.

***

Отстегай по спине вицей.
Отрави. Уничтожь взглядом.
Все равно я останусь львицей.
Не пойду ни вослед, ни рядом.
Не взгляну покорно и робко
Я в нахальство коричневых глаз.
Все равно я останусь воровкой
Чувств твоих и моих к тебе фраз!

июнь 2006

Учитель

Мысли горстями кидает и блещут
В каждой – мечты огоньки.
Он рассказал, как прекрасен орешник
За перевалом реки.
Он говорил, что орешки там слаше,
Чем мой домашний изюм.
Путь до орешника долог и страшен.
Я обещала: Дойду!

И дожидалась заветного часа
На берегу у воды.
Знала: на все соглашусь и поддамся,
Хоть на край света веди.
Жадно река мои ноги схватила.
Где же ты? Где этот брод?
Он улыбнулся, промолвил: Счастливо!
Дальше со мной не пойдет.
Я возвращусь, смело выдержу сильный,
Строгий, пытливый взгляд.
И прошепчу: Да, орешник красивый
Знаешь, где есть виноград?

2006

***

А стрелы сыпались у ног,
Не долетая – в грудь.
Он сверхчувствительным быть мог,
Как в градуснике ртуть.
Он нежностью мог пропитать
Все небо. До зари
Он чаек заставлял кричать
Слова своей любви.
Рукой взломать мог свод небес
И радугу согнуть.
Недостижимый эдельвейс
Ему маячил: «В путь!»
Он заблуждался и рыдал,
На папертях молил:
Он нищим мясо продавал,
А сытым – раздарил.
Он мог ступать по всей земле
И не просить, а брать.
Лишь Купидоновой стреле
Не мог он приказать.

апрель 2005

Тигрица

Я тихо на шаг отступлю,
Прищурю глаза на мгновенье...

Вот ты посмотрел с умиленьем
В притихшую морду мою,
На голову руки сложил,
В глаза заглянул. Не боишься.
И вот уже рядом садишься.
И рад, что легко покорил.
Улыбку в оскал превращу.
В мгновение вытяну лапы...
О! Нрав мой звериный от папы! –
Сама за себя отомшу!

апрель 2005

Инструкция для начинающей пианистки

Хроматической гаммой вниз
Прошагала усталость... до...
Помолчала недолго. Жизнь
Заморочила. Нет, не то.
И секундами смело вверх
Побежала, запнулась... ах!
Плакать, дура, нельзя при всех –
Можно плакать со всеми, в такт.
Заморочить и обмануть,
Уводить, за собой маня,
Завлекать. На обратный путь –
Ни за что, никому, ни для...
А обманешь – тогда при всех
Можешь петь. И никто из нас
Не посмеет назвать твой смех
Лишь собраньем кривых гримас.

Владимир Волковец

Член Союза писателей РФ. Автор поэтических сборников «Сосновый дом», «Отцовский лес», «День начинается с ветра», «Окрыленный бездорожьем» и других.

Лесное утро

Из мешковатой паутины,
Посеребренной сентябрем,
По горстке бисера и дыма
В свои корзины зачерпнем.

И не успеем удивиться,
Как озабоченно-ловка
С плеча вертлявая синица
Прицельно склонет паука.

Из синей сутеми черники
По кромке, а не напролом,
В сановной сытости топтыгин
Прокосолапил босиком.

Без недоверья и боязни
Шагаем в радужную тьму.
И даже тюбик едкой мази
От насекомых ни к чему.

Кружат стрекозы с интересом,
Вильнула ящерка по мхам...
Мы этот мир назвали лесом,
И он целительней, чем храм.

Он жадного приучит к мере,
А легкодумного к тропе,
Убережет от суеверий
Разочарованных в себе.

Ложатся тени над теченьем
По счету равные лучам –

По ним, мерцающим ступеням,
Господь нисходит по утрам.

Начало

Слово к делу подошью.
Выбегу из дома –
В каждой туче по дождю,
По раскату грома,
По сороке во дворе,
В окнах – по невесте.
В этой чертовой дыре
Пропаду в безвестье.
Я сюда не по суду.
И отсюда – тоже
Собираться по судьбу
Гонит бездорожье.

***

Поедем на озеро Щучье,
Где в шляпах по самые лбы
Стоят толстопято на круче
Во мху боровые грибы.

Рассеяно солнце по хвое,
А тени по солнному дну.
Где прежде плутали мы двое,
Пойми, каково одному.

Поедем на озеро Щучье,
Там шустрые бурундуки
По кедрам снуют вездесуще
За шишками вперегонки.

На просеке рдеет брусника
И клокве поспеет черед.
На озеро осень-портниха
Заплату к заплате кладет.

Поедем на озеро Щучье,
Где все еще шепчет трава

Блаженно, тепло и пахуче,
Забытые нами слова.

И были шальные нападки
Дождей пузристо – легки,
И летние сумерки кратки,
И сны о тебе коротки.

Обь

В апреле ночью минус,
А утром плюс – капель.
Готовит льды на вынос
Речная колыбель.

Вода с отливом бронзы
В заторах верещит,
То облака, то звезды
В промоинах кружит.

Вот-вот шальные силы
Легко расхлынет Обь,
По неоглядной шире
Стать равной небу чтоб.

***

Пестрят осенние ковры.
Лед в колеях - по струнке.
Ветвится дерево, как взрыв
На внуковом рисунке.

Мороз дубеет, перед ним
Меняет день окраску.
Котельная не хилый дым,
Выдавливает пасту.

В крапивном инее леса
И тишина – до неба.
А из Приобья поезда
Пришли в лохмотьях снега.

Людмила Ветрова

Член Союза писателей России. Автор поэтических сборников «Ведьмин круг» и «Удивленное лето». Работает на районном телевидении «Радуга».

***

Поговори со мной,
Поговори, пожалуйста.
Осенью и весной
Мне не хватает жалости.
Песню споешь – пусть,
Просто обнимешь – здорово,
Станет моя грусть
Сном моего города.

***

Не уходи совсем.
Пусть неизбежна осень.
Мы опьяняли в семь,
А пропретрели в восемь.
Быстро исчез дурман
В спорах о самом главном,
И не раскрыт обман,
Это почти забавно.
Это почти смешно,
Или почти печально.
Ветер влетел в окно –
Сразу исчезла тайна.

***

Появились проталины,
У весны куролесица,
Увеличилась талия
За каких-то три месяца.
Ничего, образуется,
Отыщу оправдания,
По растаявшим улицам
Потекло ожидание.
Навалились заботы,
И худеть бесполезно,

И опять я в работу,
Как в диету залезла.
И по русской примете
Летним днем долговязым
На пуховом берете
Все снежинки вывязываю.
Молодая да ранняя
Все решаю сама.
«Приготовила сани»,
Значит скоро зима.

***

Капля за каплей – дождь,
Миг за мигом – минута.
Как ты теперь живешь?
С кем ты встречаешь утро?
Где ты, мой милый друг?
Больше тебя не слышу,
Все же надеюсь: вдруг
Ты мне письмо напишешь.
Верю: когда-нибудь,
Может быть, очень скоро
Ты объяснишь мне суть
Прошлого разговора.
Верю: приду домой,
День проведя без толку –
Господи, боже мой,
Ты наряжаешь елку!

***

Солнце мое, здравствуй!
Вижу тебя во сне.
Как ты живешь? Рассказывай,
Только не ври мне.
Только не надо этого,
Всякого там «ни о чем»,
Если ушло лето,
Осень-то здесь причем?
Холодно, значит холодно,
Листья опали, что ж...
Ты отошел в сторону,
Может, совсем уйдешь.

Осень на то и осень,
Чтобы опять дождь.
Ты не меня бросил,
Просто один живешь.

***

Мой новый мир, моя вторая жизнь,
Я шла к тебе семнадцать зим и весен.
Пусть за спиной я слышу «разошлись»,
И чей-то голос дрогнул на вопросе.

А кто-то вновь цинично пошутил
И стал подробно излагать причины,
И повторял восторженный дебил:
«Чего б ни жить с хозяйственным мужчиной».

Советов тьма, подробно изучай,
Как помешать семейной катастрофе.
Да, можно пить позавчерашний чай,
Однако я перехожу на кофе.

***

Сыграй на саксофоне, чтоб отдохнуть,
Хоть просто гаммы, хоть что-нибудь.

Сыграй, как можешь, хоть до, ре, ми,
А если хочешь, ноты возьми.

А если хочешь, просто гуди,
Только бы звук – из твоей груди.

Ты знаешь, мне, в общем-то, все равно.
Души твоей не слышу давно.

***

В лесу растет земляника,
Я знаю, она возникла
Из песен весенних птиц
И тени твоих ресниц.

И кони пасутся в поле,
И словно горбушку с солью,

Доверчиво с моих рук,
Мой милый и нежный друг,

Ты ешь землянику лесную,
Я губы твои ревную
К ягодам кисло-сладким,
Люблю все твои повадки,

Дышу на твою макушку,
Считает года кукушка,
И ты предо мной в поклоне
Целуешь мои ладони.

***

Закрутилось мое колесо:
Расставания, встречи, тревоги.
Занесло меня, эх, занесло
На обочину зимней дороги.
Хорошо хоть не сбила с пути
Вон того холостого мальчишку,
Я ему прокричала: «Прочти
О дорожном движении книжку!»
И сугроб-то всего ничего,
Вот сейчас разгребу и поеду,
Я почти одолела его
И чуть-чуть опаздаю к обеду.
По-английски навсегда забытый бред,
Ерунду, не подумав, сказала:
«Опаздаю чуть-чуть на обед».
И куда это я успевала?
Хорошо, что меня занесло,
Буду ездить теперь не спеша я,
Всем опасным дорогам назло,
Никому-никому не мешая.

Мария Вяжевич

Родилась в п. Пионерский в 1987 году. Победитель международного детского конкурса «Новые имена». Учится в Уральском колледже архитектуры, строительства и предпринимательства по специальности «специалист по земельно-имущественным отношениям».

Ода «Москвичу»

Под серым брезентом стоит во дворе
Трудяга в железном мундире.
И фары померкли в густеющей мгле –
Осенних ночных паутине.

И снятся ему километры дорог,
Сибирские наши селенья.
Но дождь разбудил – он опять одинок,
Колеса зажали поленья.

Задремлет и вспомнит все 27 лет,
Что он отслужил человеку,
Но что-то сломалось, и выхода нет –
Во двор закатили калеку.

Хозяин купил большеглазый «Жигуль»,
Хоть новый, а сердце не греет.
И часто в «Москвич» он садится за руль,
Как верного друга жалеет.

***

Я вернусь когда-нибудь к тебе,
Мой поселок, вросший в ил болота.
У колодца вновь на зло судьбе,
Может, ждет меня далекий кто-то.
И знакомый мне осенний лес
Вновь напомнит юности порывы,
Как под взором северных небес
Счастливы мы были и любимы.
Я вернусь, родимый мой, вернусь!?
Только вот боюсь совсем не скоро.

И надежды трепетная грусть
Сердце трогает, как твой январский холод.

Арлекин

Мой театр мне не в радость.
Интриг и шуток я лукавый сын,
Удел – смешить, не проявляя слабость.
Я – пафоса и лести господин.

Мой ангел, светом ты не раз
Являлся в зал, мои туманы мысли.
И взгляд твоих печальных глаз
Мне душу рвал в холодном закулисье.

Но цепи сцены и наряд паяца
Мне словно крест приходится нести:
И каждый вечер над собой смеяться,
И горький крик придерживать в груди.

Те слезы одиночества под маской
Не оботрешь и не увидишь ты.
Ты – ангел, ты подобен сказке,
В которой исполняются мечты.

Что смерть? Она ль мое спасенье? –
За жизнь такую мне гореть в аду...
Прости. Мой свет, узрев твоё прощенье,
Я розой белой из могилы прорасту.

Александр Губанов

Автор поэтического сборника «Поздняя весна». Живет в районе около сорока лет, работал учителем истории в школах района, корреспондентом районной газеты.

Дождь

Лошадин опять напился. Он стоял посреди улицы в плаще и сапогах, бессмысленно мотая головой. Глаза его с красными веками были закрыты, из широкого ворота свитера торчала бурая, заросшая шея. Никто не обращал на него внимания. Он мычал что-то, обращаясь то к одному, то к другому прохожему, но те обходили его молча и исчезали где-то за горизонтом улицы, покачиваясь на нетвердых ногах. Вчера была получка и сегодня пили все, пили долго, тягуче, без песен, мало закусывая, пили, как никогда не пьют там, в России. Целый месяц эти люди пропадали в тайге, валили лес на вахте, отбивались от комаров и мошки, обрубали, трелевали деревья, и поэтому все закрывали глаза на то, что было сейчас. Так уж сложилось: два-три дня после получки глубокая тишина стояла в лесу на вахтовых поселках, где оставались одни сторожа. И только в поселке по вечерам раздавались хриплые крики, нестройные блатные песни, но чаще всего — громкая ругань. Завершалось все, как правило, дракой.

Дрались тоже не так, как на Руси, молча, со звериной яростью хрюсали мосластыми кулачищами друг другу в морду, а когда не хватало сил, хватались за топоры и ружья. Общаги ходили ходуном, пьяно верещали женщины, с веселым звоном вылетали оконные стекла и кто-то вываливался прямо в раскисшую осеннюю грязь. Утром просыпались с разбитыми распухшими физиономиями, заплывшими от фингалов глазами, хмуро припоминали подробности и шли похмеляться и пить мировую. Вечером все повторялось.

Все это Лошадин, живший в поселке уже месяц, наблюдал отстраненно и без интереса. У него

не было здесь ни приятелей, ни просто знакомых. Первые два раза он напился с какими-то случайными мужиками. Они наливали ему как и себе, чокались с ним, но как-то так получалось, что разговор их обходил Лошадина. Он пил, пьянял, ему хотелось говорить, хотелось высказаться, зачем и как он здесь оказался, и много еще, что казалось ему необычайно важным.

-Послушайте, - толкал он соседа, бородатого, но молодого еще мужика, - вы ведь, наверное, и сами не знаете в каком удивительном kraю живете. Вы знаете, зачем я сюда приехал? А?

-Ладно, знаем, - отмахнулся тот. - За туманом, что ли? Всех нас сюда одно забросило. Только ты думаешь там дураки, что платят мне такие деньги? Не-ет, не дураки, понимают: все там останется.

И он ткнул черным пальцем в груду бутылок под столом.

-Да нет, дело не в деньгах, - пытался вступить Лошадин.

-Че-ево? Не в деньгах? А какого же тогда х... принесло тебя сюда? Не в деньгах...А! – отмахнулся он и, потеряв всякий интерес к Лошадину, потянулся к бутылке.

Дико и непонятно все казалось вначале здесь Лошадину. Убеждая себя, что он выше всего этого, что он будет жить в своем, особом мире, своими мыслями, будет осуществлять свою мечту, он незаметно для себя опускался, перестал бриться, как и большинство мужиков здесь, и вот уже в третий раз напивался в одиночку.

***

Он все еще стоял на улице, когда снова начался дождь. Мелкий и холодный, противно и однообразно моросящий, он доводил Лошадина до бешенства. Подняв худое лицо к небу, Лошадин скверно выругался и, круто развернувшись, с трудом удерживая равновесие, зашагал к себе. Чавкающая глина хватала губами его сапоги, присасывалась к ним и со звуком сожаления отпускала. Он шел и ругался без конца, пока, поскользнувшись, едва не плюхнулся в лужу. Лошадин стоял на четвереньках, упираясь руками в грязь, и слезы какой-то злой обиды давили ему на глаза. Ему казалось, что кто-то беспощадно издевается над ним этим дождем, этим поселком посреди тайги, этой грязью, водкой и той позорной позой, в которой он сейчас находился. Почти плача, Лошадин медленно поднялся, поболтал руки в той же луже и, сцепив зубы, двинулся дальше. Он решил сократить путь, пройти дворами, свернул в калитку у одного домика и вдруг остановился: у окна стояла женщина и расчесывала волосы. Шел дождь, было холодно и темно, а в комнате горел свет, и женщина в белой кофточке лениво проводила рукой по густым волосам. Голова ее была чуть откинута назад, и оттого вид у нее был спокойный и

задумчивый. Увидев Лошадина, женщина остановилась было, потом улыбнувшись, продолжила свое занятие.

-Господи, неужели это возможно? – бормотал Лошадин. Что-то вспыхнуло было в его мозгу, но, махнув рукой, он шагнул прочь от окна, пошел уже, но снова остановился. Ему хотелось еще стоять и смотреть на эту немыслимую картину, так поразившую его контрастом.

Когда-то еще студентом он часами простоявал в Эрмитаже у полотен Караваджо, у его мадонн с простоватыми лицами крестьянок и не мог понять, откуда в них эта мягкая, почти осияемая величавость, так не похожая на холодную бесстрастность мадонн Леонардо и Рафаэля. То давнее чувство почти уже забылось, и вот теперь что-то похожее охватило его и заставляло стоять у окна.

Дождь и холод делали свое дело. Лошадин несколькопротрезвел, но голова была тяжелой и горячей, где-то у самого горла катался комок тошноты. Ему очень не хотелось идти в свою комнату, где было грязно и холодно, на столе груда банок с засохшими консервами, пустые бутылки и немытые желтые стаканы. Неожиданно для себя Лошадин повернулся и направился к крыльцу, потом остановился и уселся на мокрую ступеньку. С маленького навеса над крыльцом стекали длинные мутные струи воды, били его по коленям, бежали в сапоги, но он не замечал этого. Подперев голову руками, он сидел, тихонько раскачиваясь, и думал, что вот он, Лошадин, будет сидеть здесь всю ночь, простудится и заболеет, может быть даже упадет на крыльце, и тогда выйдет она, эта женщина, заведет его в комнату и будет ухаживать за ним. Но он все равно умрет и будет лежать на скамейке прямой и строгий, а она, распустив волосы, будет тихо плакать над ним. И ему стало тепло и приятно оттого, что кто-то будет плакать и жалеть о нем, он уже чувствовал, как чистые теплые слезы падают на его грудь, когда услышал вдруг, как хлопнула дверь за его спиной.

-Эй, ты чего тут расселся, - стеганул его грубый голос. – Дома что ли нету? Назюзюкаются как свиньи и прутся куда попало. А ну, подымайся, подымайся! – она подталкивала его ногами со ступеньки. – Давай, давай, вали отсюда, не хватало еще, чтоб люди видели!

-Послушайте... - бормотал Лошадин, - я... мне хотелось...

-Знаем, чего тебе хотелось! Других поищи для этого. Ишь, быстрый какой!

-Да нет, вы меня не поняли... - он встал и его жалкая фигура выражала рассеянность. – Вы не правильно меня поняли...

-Ну, хватит, поняли. Иди себе дорожкой!

С последними словами женщина решительно толкнула его в грудь рукой. Лошадин покачнулся, чтобы не упасть, ухватился за ее руку, некоторое время держал ее в своей и вдруг, неуклюже нагнувшись, поцеловал

ее и зашагал прочь. Женщина молчала, не могла опомниться, потом плюнула вслед мокрой спине Лошадина:

Тыфу, чокнутый, право! Господи, и откуда их только нанесло сюда!

Около дома Лошадин остановился, помочился, глядя в затянутое низкими тучами небо, постоял еще, будто не решаясь войти. В соседней квартире кто-то грохнул кулаком по столу, зазвенела посуда, два голоса орали что-то, было слышно только бесконечное... мать,...блядь... Было совсем уже темно, дождь не кончался, и Лошадин толкнул свою не запирающуюся дверь. Не раздеваясь, он прошел в комнату, тяжело опустился на продавленную кровать, застланную серым байковым одеялом, нашарил рукой выключатель и при вспыхнувшем свете долго смотрел на кучу посуды на столе, на торопливо разбегающихся больших жирных тараканов, на холсты, кисти и краски, сваленные как попало в углу, на пустой подрамник, потом с коротким вскриком ударил по бутылкам на столе и как был, повалился на постель.

***

Ночью дождь перестал, но к утру пошел снова. Проснувшись, Лошадин лежал и слушал, как вода тоскливо шлепала по стеклам и стенным. Утро было безрадостно серым. Полное безразличие ко всему тихо просыпалось в голове Лошадина. Не хотелось ни вставать, ни думать. Он поискал глазами остатки водки – бутылка стояла на подоконнике у спинки кровати – потянул к ней руку и, не поднимая головы, сделал три-четыре глотка прямо из горлышка. Водка натощак обожгла, припекла желудок, потом разлилась по всему телу. Стало теплее, приложившись еще раз, Лошадин взял со стола кусок засохшего хлеба, пожевал.

-Ну, что, Лошадин, доволен? Вот она, Кондовая Русь, которую ты хотел найти.

Он встремнул бутылку, ухмыльнулся. Русь... и какой дурак только придумал эти патриотически-мистические рассусопливания... Нету никакой Руси. Есть кучки людей, которые расползлись по углам, и каждый хочет захватить уголок потемнее и потеплее. Только одни умеют его найти, другие нет. Вот и вся Русь. И я из тех, что не умеют.

Он вспомнил один разговор накануне отъезда. Он жил тогда в Ярославле, и ему, честно говоря, очень нравился этот город с его куполами, иконами, парками и набережной. В нем были круглые площади и разбегающиеся от них улицы, такое впечатление. Будто капельки воды падали сверху на стекло и, разбиваясь, разбрзгивали вокруг себя тоненькие серебристые лучики. Хотелось ходить здесь и жить спокойно, делая какое-нибудь свое маленькое дело, для удовольствия рисовать понемногу – эти же купола, парки...

Они сидели в ресторане с давним приятелем Битюковым, который проездом оказался здесь же. Битюков был, что называется, при власти. Он входил во многочисленные комиссии, фонды, его картины с квадратно-плакатными лицами сталеваров, проходчиков и монтажников на фоне каких-то котлованов, кранов и вишек мелькали на выставках, не вызывая никакого интереса, их репродукции украшали вкладки толстых журналов — все это в суровых темно-коричневых тонах. Лошадин знал, что Битюков может писать и другое — глубже, лиричнее, ярче по палитре, но... давно то было. Битюков чувствовал конъюнктуру как ищейка горячий след. Лошадин не помнил уже, как зашел разговор о нем, но до сих пор ему было стыдно вспоминать, как он разглагольствовал тогда. Битюков слушал внимательно, но сейчас Лошадину казалось, что тот ухмылялся где-нибудь в уголке глаз или в глубине мыслей — черт его знает.

-Уеду, — говорил он тогда, — не могу я здесь. Все ложью пропитана, важен не талант, а знакомства, связи. Найду тихий спокойный уголок в России, где сохранились еще нормальные, человеческие отношения. Алкоголь брал свое и Лошадин совершенно забыл о том, кто сидит напротив него. Он ушел в себя и говорил для себя то, что многократно было им продумано ночами после очередной попытки пробиться на какую-нибудь задрипанную городскую или областную выставку, где шли на «ура» рекордистки — коровы с рекордистками же доярками и никому не нужны были его туманные площади и улочки с вознесенными над ними куполами церквей.

-Представляешь, сосны, золотистые, прямоствольные, и рядом небольшая полянка, сиреневый Иван-чай, таволга... А около самого леса — мой домик, в нем чисто и прохладно, от желтых полов и стен пахнет смолой, а в раскрытые окна влетают птички переклики и запах хвои. У окна столик и кресло, по стенкам стеллажи с книгами. А напротив окна, на свету, подрамники с холстами. Утром я буду гулять в лесу, слушать птицу, наблюдать игру света и тени на ветках и стволах сосен. На полянке, ближе к лесу я поставлю стожок и зимой к нему придут лоси, засунут в него горбоносые морды с мягкими губами, закроют глаза, и им будет казаться, что здесь сохранился кусочек лета. Они будут пофыркивать тихо и вздрагивать отощавшими боками.

(-Ух, идиот, — сплюнул Лошадин, — тут и травы-то нет, а лоси за сто километров обходят эти человеческие скопища. Духом смертным от них несет. — И он приложился к полупустой бутылке).

-Все это хорошо... и красиво, — медленно начал Битюков. — Но мне не совсем ясно, зачем ты туда поедешь? Сено косить? Вообще, все это мне кажется несерьезным. — Битюков выпил, поморщился, помолчал. — Ты же художник и... талантливый. Я видел несколько твоих работ в Саратове.

-А, эти...

-Да... но без постоянного общения со средой без этого, извини меня, духа соперничества, художник быстро иссякнет, поверь мне.

-Н-ну, нет! А Гоген, а Перих? А...

-Видишь ли. И Гоген, и Перих и кто там еще, были уже сложившимися художниками, уникальными приверженцами одной темы и идеи. Да и время само было другое.

-Время... причем здесь время? Человек и природа, художник и природа – разве это не имеет отношение ко времени? Меняются стили, школы, течения, вкусы, в конце концов, но суть всегда одна и та же: художник – существо не коллективное, коллектив нужен бездарям. – Лошадин понял, что перегнул, замолчал, выпил, нанизал на вилку кругляшок огурца, захрустел. Ему вдруг расхотелось продолжать разговор, та приподнятость, которую он испытывал вначале, куда-то ушла, он тихонько тосковал и не поднимал глаз от тарелки.

-Я тебя понимаю, – Битюков дернул губы в кривой усмешке. – Только напрасно ты это задумал, напрасно. Гоген бежал от обстоятельств, от мерзкой жизни, от долгов. Ты бежишь от себя, ты выдумываешь себе мир, которого нет – вот там-то я буду человеком! Но куда бы ты ни приехал, себя ты привезешь с собой. И везде будет одно и тоже. Мне кажется, так.

Лошадин защемел, заспорил, но что-то неприятно кольнуло его, как стрела, что попадает в цель. Они расстались дружески, договорились не терять друг друга из виду, но Лошадин все время не переставал думать о словах Битюкова. Что это значит? Какая-то истина тут есть, но... Он каждый раз останавливался на пороге ее: уж слишком неприятные для него выводы могли оказаться за ее дверью.

Директор леспромхоза, царь и Бог и Папа Римский в поселке, встретил Лошадина настороженно: что за человек? Много тут всяких перебывало – и писатели, и учёные, но все бывшие, бичи, одним словом. Этот тоже на бича больше смахивает, хотя... художник. Директор подумал, вызвал толстую бабищу из ЖКО и велел ей определить «товарища художника» на жительство.

-Ну, в ту четвертинку, где... ну ты знаешь.

-Знаю, знаю, – закивала та. – Я вас подожду в приемной, – сказала она Лошадину и вышла.

Директор еще помолчал, покрутил головой, потом осторожно спросил:

-Ты... вы, что же, вправду рисовать умеете?

Лошадин усмехнулся:

-Вы же диплом в руках держите.

-Да... диплом, конечно... Слушай, – оживился директор, – меня

райком за «ненаглядную» агитацию заклевал. Доску передовиков производства срочно оформить нужно. Возьмешься? – Лошадин неопределенно пожал плечами. – Берись, берись, – уже напористо продолжал директор. – Да и ДК нам неплохо бы украсить – ну там, таблицы, диаграммы, те же передовики, а то так, сарай сааем.

Потом, когда Лошадин шел следом за теткой из ЖКО по грязным, захламленным улицам из однообразно серых Брусовых хибар, сердце его тоскливо сжималось. Хотелось сейчас же развернуться и ехать отсюда, бежать. Но... куда и зачем? Ни сил, ни воли у него уже не оставалось, и он бездумно шел, не слушая бесконечной болтовни жилищной начальницы.

Через несколько дней директор взял Лошадина с собой в поездку на один из вахтовых поселков для знакомства с героями будущей его галереи передовиков. То, что увидел Лошадин на лесосеках, навсегда поселило в нем отвращение к людям, творящим все истребительное варварство в святом для Лошадина мире – в лесу. Никаких героев писать он, конечно, не стал, и директор махнул на него рукой: все-таки, бичара обычный...

***

До вечера Лошадин лежал, проклиная себя и дождь, который все не переставал – да и чего бы ему переставать? Он делал свое дело, основательно и добросовестно. Многое еще вспоминалось Лошадину, и каждый раз, какой бы разговор ни всплывал в памяти, ему было стыдно за свои речи, пустые фантазии. Водка кончилась. Около семи часов он встал и как был в сапогах, плаще и без шляпы, с какой-то тупой решимостью зашагал к магазину. Вечером этого же дня пьяный Лошадин пытался вступить в разговор ссорящихся лесорубов, говоря что-то о природе и храмах ее. Мужчины, не очень вслушиваясь в речи Лошадина, оттолкнули его, а когда он подошел снова, его равнодушно и жестоко избили.

***

Что-то надломилось в Лошадине. Почти два дня он не выходил из комнаты, лежал на койке, но уже не разговаривал и не ругался, а молча смотрел в окно на стекающие волнистые струйки воды. Он засыпал вдруг как-то, и просыпался, и снова глядел в окно. Редкая фигура в плаще и болотных сапогах мелькала на улице, и чавкающие звуки шагов уныло вплетались в лопотание дождя. Полосы на стекле расплывались, сплетались в причудливые узоры, что-то знакомое начинало вырисовываться в них – то ли лицо чье-то, то ли морда зверя, то ли просто дорога среди

спокойных необозримых полей. Он снова забывался и во сне видел опять ту же дорогу без начала и конца, и он, Лошадин, стоит на этой дороге, не зная, куда идти ему, боясь сделать хоть один шаг, стоит одинокий и маленький посреди огромной Земли и под бездонным небом. От этой необытности голова его начинала кружиться, он всхлипывал, просыпался и, отвернувшись от окна, начинал смотреть в потолок, но и там линии и трещины беспокоили его каким-то надоедливым напоминанием.

Чувствуя себя расслабленным и разбитым, он нехотя поднялся к концу второго дня, походил бесцельно по комнате, потом подошел к небольшому зеркалу на стене и долго смотрел в лицо неопрятному, заросшему человеку, медленно проводя рукой по щетинистым щекам. Он будто хотел прочитать что-то в глазах своего двойника, решить мучивший его вопрос, но видел только мутновато-серое равнодушие. Лошадин-то знал, что это не так, что где-то там, за ним, прячется неуверенность и даже страх, но двойник хитрил, навязывал игру, и Лошадин махнул рукой на все свои попытки. К вечеру он несколько прибрал в комнате, побрился и сменил белье. Но все это как-то нехотя, что ли, все время напряженно думая о своем.

Включив свет, Лошадин уселся на полу и стал перебирать свои старые работы. Он смотрел на них и у него было такое чувство, словно он перелистывал старенькие детские тетрадки с восторженными записями и наивными стишками. Среди разбросанных, небрежно скрученных холстов попалась ему одна акварель. Он сначала так же равнодушно отложил ее в сторону, потом снова взял в руки. Это была старая-старая кляча с выпирающими мослами и проваленным хребтом. Она стояла, опустив голову и неуклюже расставив ноги, будто подпорки. Фон был мрачный и серый, мелкий осенний дождик сек ее облезлую шкуру. Лошадин вспомнил, что написал эту акварель как-то мимоходом, не задумываясь, и тем сильнее поразила она теперь жестоким сходством с ним самим. Он еще некоторое время держал ее в руках, потом швырнул в кучу и стал одеваться.

На улицу Лошадин вышел, когда уже совсем стемнело. Он стоял на крыльце, слушая темноту, но слышал только все то же торопливое бульканье дождя и ночной ропот тайги, густой массой подступившей к самому краю улочки. Сигарета слабо высвечивала кончик его носа и рот, темный и неподвижный, потом она, прочертив в темноте красную дугу, коротко всхлипнула в луже, а Лошадин сошел с крыльца и неторопливо зашагал в сторону леса. Он не оглядывался, только остановился раз, когда ему послышались где-то людские голоса, но все было тихо, и он, постояв, все так же двинулся дальше. Темнота очень скоро скрыла его, и только звуки шагов да хруст веток еще связывали его с поселком. Тайга расступилась перед ним сначала, потом забежала с боков и сзади, сомк-

нулась и мхом приглушила все звуки. Все так же шел дождь, шурша по верхушкам сосен, и те, покорные, сбились в кучу, как лошади или овцы, одинаково унылые, одинаково темные, одинаково мокрые.

Была уже глубокая ночь, когда их бесконечное однообразие было нарушено. Одна сосна вдруг тяжело вздрогнула и закачалась, осыпая с себя тысячи невидимых горошинок воды. Потом движения ее успокоились, и вскоре она стала опять такой же, как и все ее сестры. И только верхушка ее чуть заметно клонилась в одну сторону. Но деревьям это было безразлично.

Александр Игумнов

Член Союза писателей России. Автор сборников рассказов «Пробуждение», «Контингент», «Когда мы были на войне» и других.

ВЕРИМ, НАДЕЕМСЯ И ЖДЕМ...

На уснувшее после неотложных дневных дел старинное русское село неожиданно, как конница монголо-татар, набежали несметные полчища темных и низких облаков, надежно укрыв в своем царстве тьмы звездные светлячки далеких планет. Только бледный лик луны иногда прорывал оконце в потемневшем небе и беспокойно пытался найти две человеческие фигурки, спрятанные метельной кружевертью ранней весны. Потеряв их из вида, луна недовольно и капризно повернулась бочком, заслонив от свирепой выюги землю, кинула вниз большую пригоршню перламутровых снежинок, приговаривая вдогонку:

-Летите на землю, летите... Посмотрите, как потомки ваши живут. Днем солнечные лучи вернут вас обратно, в вечность... И тебе, зима, хватит злиться и печалиться, мешать людям влюбляться. Не спорь, старая, весна на носу...

-Вот и метель прошла, и ветер стих. Снег-то какой крупный, мягкий, пушистый. Чудеса да и только, Витенька! – удивленно моргнула очаровательными глазками моя любимая девочка.

Мы замерзали вдвоем возле стройной берескы, на покатом взгорке небольшого овражка, обрамленного по краям сухой порослью костлявых кустарников, на самом дне которого из высоких сугробов торчали тяжелые, заиндевелые ветки молодого ельника.

По заезженной тракторами дороге с горки в низину, устремляясь к ледяной глади пруда, пробивал дорожку ручеек, который, тихо журча, уже пел свою веселую песню.

Мартовские снежинки падали на зеленую

куртку девочки и тут же таяли, растекаясь тонкими струйками по рукавам, воротнику, лишь на миг задерживаясь, столкнувшись с двумя округлыми, твердыми бугорками на ее груди, укромно спрятанными под шерстяным свитером. Было и более серьезное, интимное препятствие для меня, которое, стыдясь и краснея, я всегда чувствовал своими пальцами и ладонями, но никогда так и не осмелился расстегнуть пластмассовую застежку под платьем на ее спине. Все для меня в этой девочке было свято, и она сама казалась неземной богиней, спустившейся из неведомых миров. Чтобы осчастливить меня единственного на всем белом свете.

В ту чудесную мартовскую ночь я мчался, топтался возле стройных ног девушки, бережно, как бесценную икону, обнимал мягкие плечи, старался легко и осторожно прижаться лицом к ее холодным щекам. Зажмутив в приятной истоме глаза, соприкасался подбородком с твердо сжатыми алыми губами, вызывая девочку на поцелуй. Делал это я робко, неуклюже и неумело, неожиданно сталкивался губами с ее маленькими зубами или грубо упирался сырой шапкой ей прямо в лоб. В легком смятении отводил лицо в сторону и молол разную словесную чепуху. Почему-то мне постоянно мешал ее образцовый прямой носик и, будь он проклят, — мой вечный хронический насморк.

Любимая девочка — я чувствовал это головой, коленями, ногами, грудью, лицом и сердцем — в душе готова была ко многому и, может быть, ждала моих решительных действий, улыбаясь мне доверительной ласковой улыбкой.

Она была намного ниже меня ростом. Такая сказочная, миниатюрная, черноволосая Дюймовочка с чудесной ямочкой на подбородке, с добродушной улыбкой на лице и смешинками в глазах. Ах, как прекрасны были ее широкие, чуть по-татарски раскосые, с кокетливой, томной поволокой глаза, смотревшие с извечной женской загадкой мне в лицо. Часть ее смоляных волос, выбившись из-под шапочки, целиком умещались на моей левой ладони, и я мягко перебирал их пальцами, вдыхая аромат духов, принадлежащих моей королеве. Волосы любимой женщины пахнут всегда особенно и, как глаза и голос, запоминаются на всю жизнь!

Кто бы только знал, какие испытания пришлось пройти мне, чтобы быть рядом с нею в тот весенний вечер.

В нашу среднюю школу-десятилетку шли учиться дети из ближайших деревень. Так появилась и Танечка Маркова, комсорг класса, отличница. В те времена девчонки выбирали парней старше себя. Потом из умной книжки я узнаю о генетической закономерности развития женского организма и сознания. Но тогда мне было не до закономерностей. По воле родителей я был высокого роста, занимался всеми видами спорта, всегда верховодил в своем классе и был на один год младше ее.

И вот я увидел ее, девочку моей мечты. Сразу забылись старые школь-

ные подружки, и теперь мое внимание сосредоточилось только на ней.

На меня, на все мои старания чем-то выделиться из «мелюзги» она не обращала никакого внимания. Ее подруга Светка – очкастая, тощая, с вечными веснушками на лице и руках, повздыхав для вида над моей унылой физиономией, по секрету сообщила:

-Не видать тебе, Витенька, ее как своих ушей. Парня она в армию проводила и презрительно салажонком тебя обзывают... Давай мы с тобой для вида дружить будем, тогда и с ней чаще общаться будешь.

С кем, с кем, но со Светкой! На такую приманку я не клюнул.

-Не купиши, не продаюсь, - буркнул я, навеки оскорбляя Светку.

Из рассказов старших мальчишек я знал, что девчонки обожают, когда парни из-за них дерутся. Бизжат, растаскивают противников, а потом, как ни в чем не бывало, гуляют с победителем. Читал и в книгах, как средневековые кавалеры на шпагах и мечах завоевывали дамскую благосклонность.

На осенние каникулы приехал мой брат, который учился в городе и секцию по самбо, не то бокса посещал. Решил набраться у него боевого опыта, всего помаленьку.

Он живо откликнулся на мою просьбу, да и приобретенные в секции навыки боялся потерять. Две недели «старшой» с удовольствием лупил меня днем и ночью, по сокращенной программе, живо откликался на все мои просьбы. Я вытирая кровь, слезы, но упорно шел на бой и один раз левым крюком уложил его на землю.

-Все, братан, хватит. Для деревенских лопухов ты теперь искусный боец. Вот тебе боксерские перчатки, еще недельку побоксируй с подушкой, пройди практику на одноклассниках, и вперед... Не дрейфь только. Что не так – приеду, подмогну, - подмигнул он, уезжая в город.

После его отъезда я в пух и перья разбил три пуховые подушки, получив крепкую затрещину от матери. Пришлось соорудить, сшив крепкими нитками, из разного тряпья подобие боксерской груши, которую теперь беспощадно лупил до полуночи кулаками, ногами и головой. На всю жизнь я запомнил слова брата: «Наноси по врагу удар первым, всегда атакуй, не давай ему собраться с мыслями. Старайся бить по носу или губам, чтобы кровь рекой лилась, в деревне это проходит на ура».

Свою боевую подготовку решил проверить на закадычных друзьях-товарищах. Вовка Климов не дал списать мне контрольную работу, а я его на перемене в школьном дворе кулаком в нос и броском через колено точно в лужу приземлил, знал, жаловаться не побежит, да и сам виноват.

Сашка Фалалеев мне случайно подножку поставил, когда по футбольному мячу с прямой бил, а я ему с разворота кулаком по губе и еще подсечку левой ногой сделал. Он прямо головой в штангу ворот и угодил. Страсть реву было, но к вечеру помирились – свои парни, что там какая-то штанга.

И вот пошла моя слава отчаянного драчуна по селу гулять. А Таня ноль внимания, да еще сочувствие проявляет к возмущенному визгу моих одноклассниц. Понял я, что надо менять стратегию. Мои друзья-товарищи теперь мне не конкуренты.

Поздней осенью дембеля из армии целым скопом вернулись. Первое время только и знали – водку пить да мелюзгу лупить. Вот и пришло время проявить себя по-настоящему. Провел генеральное совещание с одноклассниками. Воспрянули они духом, когда в первый вечер я двоих «старичков» уложил плашмя в центре танцплощадки и, что самое главное, на глазах возлюбленной.

Потом целую неделю где-нибудь на огороде, в парке, за селом шли кулачные бои до первой серьезной крови между «мелюзгой» и «стариаками». Я дрался один на один и всегда выходил победителем. Правда, и сам получал легкие ранения, тут наперегонки ко мне летели мои верные подружки-одногодки и разными кремами и мазями, а иногда и восхищенными поцелуями дружно залечивали синяки и ссадины на моем лице.

Теперь я всегда, как верный оруженосец, метрах в ста позади, сопровождал свою избранницу и ее подругу Светку до плотины через речку. Прятался в засохших зарослях камыша, поджидая в засаде какого-нибудь неугомонного ухажера. Таких я неожиданно сбивал с ног ударом кулака в грудь или спину. Мы кубарем скатывались по пологому склону плотины, а падающая с высоты вода заглушала все стоны и крики очредной жертвы.

Через месяц на танцах, в коридорах школы, на улице и в кино никто из особей мужского пола не пытался близко подойти к ней.

Наконец-то Таня стала гулять вечером по селу только в сопровождении Светки и меня на определенном удалении.

Через неделю на плотине подружки остановились, о чем-то долго спорили, сильно возмущалась Светка. Крикнув: «Делай, как знаешь!» – она, всхлипывая, скрылась в темноте. Впервые мы были вдвоем.

Таня повернулась ко мне лицом, опустила взгляд и, робко посмеиваясь, тихо сказала:

– Ты, Витя, провожаешь нас все до плотины да до плотины, а вдруг возле дома какой бандит меня караулит?

Смущенно помолчала, нервно теребя пальчиками ворот болоньевой куртки и, набравшись смелости, быстро метнула озорной взгляд в мои удивленные глаза, скороговоркой, отрезая все пути к отступлению, полушенотом решительно выпалила:

– Я тебя заметила, как только пришла учиться в вашу школу, только ты не догадывался, все завоевывал меня. Нет, чтобы подойти самому и спросить. Все у тебя как-то по-особенному, не как у других... Пошли, если хочешь, проводиши до дома. Я у дяди живу...

Мы дружили целых полтора года! И многие ребята с чувством искренней зависти говорили, что мы были самой красивой парой на селе. И сегодня еще многие помнят об этом. Помним и мы с Танюшой. Особенно тот мартовский вечер и бесконечно длинную, снежную ночь.

После полуночи ветер стих. Выглянувшая откуда-то сбоку луна ласково улыбнулась мне и, разорвав обет молчания, проговорила слова, которые, быть может, только я один услышал той ночью:

-Как молоды, как красивы вы, дети Земли...

-Ты слышала, Таня, слышала? – раз пять повторил я ей лунное послание и вдруг, впервые в жизни, перекрестился и уверенно сказал:

-Вот тебе крест – не вру...

И она поверила, поверила в мою чудесную сказку. Доверчиво склонила голову мне на грудь и тихо шепнула:

-Давай послушаем еще...

И вновь пошел мягкими, пушистыми хлопьями снег. На ее куртке он по-прежнему таял, а на розовой шерстяной шапочке почему-то нет. Блестящий от света лампочки на столбе, яркий румянец нарисовался на ее щеках. Заснеженная шерстяная корона так ловко и красиво обрамляла ее голову, заставляя меня искренне любоваться Таней, и восхищенно говорить:

-Снежная королева ты моя, краше и дороже тебя нет на свете. Нет, и не будет.

-Молчи, Витя, молчи, не загадывай вперед. Смотри! Какие крупные снежинки падают... Как их много, – страсть! Давай представим, что снежинки на моей шапке – это души умерших предков, решивших на короткий миг навестить близких людей и посмотреть, как живут их дети, внуки, правнуки... Скоро они растают и вернутся обратно на небо, и непременно расскажут твоим и моим родственникам, как мы любим друг друга. Как думаешь – они будут счастливы за нас? Особенно моя любимая бабушка. Знаешь, Витя, может быть и моя душенька, когда я умру, не утерпит и снежинкой вернется на землю полюбоваться, как будут влюбляться мои дети?

Грустные слезинки покатились по ее щеке и тихо упали под ноги. Я крепко обнял Таню за плечи, смело шепнул ей в ушко:

-Наши дети, Танюша. Твои и мои.

Она отстранила от себя мое лицо, лукаво улыбнулась, долго смотрела в глаза, прикрыв кожаной перчаткой мои губы, покраснев, вздохнула:

-Прошу тебя не перебивай. Давай скажем так. Это будут дети твоих или моих детей, может, внуки, правнуки... Все равно они об этом не узнают. Хотя, нет! Я упаду снежинкой на плечо внучки и скажу человеческим голосом: «Здравствуй, душенька моя!» Вот потеха и паника будет! А, может, она все поймет? Ведь внуки будут умнее и добреe нас. Как

ты думаешь? Бабушка говорила, что душа вечна и влюбленные люди после смерти стремятся найти друг друга на небе и там обретают вечное счастье. Только ты, Витя, не смеялся. А в Бога ты веришь? Говори прямо и честно.

В эту минуту я мог бы поверить и в черта, и в дьявола. Все смешалось в голове. Луна, снежинки, душа, любовь, счастье, слова бабушки... Бог — это что-то ахисложное, про отсутствие которого в школе нам прожужжали все уши. Я молчал и не знал, что ответить. Таня решила помочь мне:

-Я хоть и комсомолка, но больше верю бабушке. Она говорила, что Бог видит все людские прегрешения и когда-нибудь каждому воздаст должное за грехи его. Но мы, Витенька, с тобой не грешим, правда? Ты скажи, скажи, только честно.

Не я бы был, если не сообразил, что ответить понурившейся и загрустившей любимой девочке. Это была первая собственная мысль о Боге в моей жизни:

-Люди верят, Танюша, во что-то могущественное, чистое. Светлое, недосягаемое, неподвластное человеческому разуму. Божья благодать, божья душа, божественная милость, божья мысль, все от Бога, раб божий, Боже. Спаси и сохрани... Не зря. Ох не зря в радости и в беде люди тысячи лет Бога вспоминают. Он где-то там. В космическом пространстве, Танюша. Сейчас наблюдает и слушает нас. Успокойся, вытри слезки. Мы с тобой безгрешны, так как любим друг друга. Правда, милая?

И я наконец-то сумел поцеловать ее в полуоткрытые губы. Как сладок и долг до бесконечности, под благодатным оком Господа Бога, был наш первый поцелуй. Даже мой хронический насморк исчез куда-то, и ее прямой носик совсем не мешал нам целоваться.

А потом я проводил влюбленную девочку Таню до калитки дома. Мы снова целовались, не стыдясь случайных прохожих и утреннего шума просыпающейся деревни. Знали, что все в жизни делается по воле божьей, а значит, в наших поцелуях нет ничего зазорного. Вот так и закончилась та памятная мартовская ночь.

Через полгода многое в нашей жизни стало резко меняться. Таня поступила учиться в педагогический институт, в город. Я сильно тосковал по ней и постепенно из драчунов перешел в разряд хулиганов и чуть не загремел в колонию. Ее редкие приезды и наши встречи временно наставляли меня на путь истинный. Отъезд наводил тоску, уныние, горькое одиночество и, как следствие, глупейшее чувство ревности. Я воображал разную чепуху, накручивал до предела нервы и с юношеской опрометчивостью ломал Танину и свою судьбу. Закрутила, понесла меня любовная кручинушка совсем в другую сторону. И такое не могло продолжаться без конца.

Она приехала на весенние каникулы. Легкая, красивая, желанная,

но поцелуи ее были холодны, и не было душевной близости, как в памятную мартовскую ночь.

-Витя, ты стал погуливать с другими девчатами. Может, я тебе разонравилась или ты вновь влюбился?

-Ерунда, Танюша, Светкины сплетни. С одноклассницами в кино хожу, вот и вся любовь...

Она грустно вздохнула, помолчала, мягко поглаживая ладонью пышную мою шевелюру, покоящуюся на ее коленях. И вновь прозвучал досадный упрек.

-Еще говорят, что к вину ты пристрастился, Витюша? Не спорь и не ври, от тебя и сейчас пахнет противным перегаром. Ты ведь военным хочешь быть, а там медицинскую комиссию проходят, тебе здоровень-ким надо быть...

На ее правдивые укоры мне сказать было нечего. Сыграло в голове и накануне выпитое вино, будь оно проклято! Какой-то коварный бесенок толкнул меня под ребро, а гордыня застила разум.

Я оттолкнул девушку от себя, резко вскочил на ноги. Жалобно скрипнула и сломалась скамейка. Таня упала боком на землю, вскрикнув от боли. Я не подал ей руки, гордо повернулся и зло крикнул:

-Учительница еще одна на мою голову нашлась! Все меня учат, учат, а вот понять никто не может! Как хочу, так и живу. Это моя жизнь, поняла, только моя!

Она сама встала на ноги, растерянно отряхнула платье и как-то жалобно, без зла и желчи в голосе проговорила:

-Живи, Витя, как хочешь, живи. Только больше не приходи сюда... Не оглядываясь, я ушел и больше никогда не стучался в калитку дядино-го дома. Через три месяца я стал курсантом военного училища.

Каждый вечер писал ей письма, которые утром рвал от стыда и угрызений совести.

И снова на дворе март, я еду в отпуск в родное село. Накануне пурга замела все деревенские пути-дороженьки. Но для меня нет преград! Знаю, чувствую, надеюсь: ждет меня моя Танечка – лялечка, она все простила, должна простить... Мои друзья запрягают в сани молодого жеребца Буяна, закупают в магазине спиртное, Санек берет в руки гармошку, а два Толяна на всю губернию горланят старую казачью песню: «Любо, братцы, любо, любо, братцы, жить, с нашим атаманом не приходится тужить». Радостно и трепетно стучит мое сердце, мечтаю войти к ней в комнату и сразу заявить: «Вот он я, весь перед тобой, любимая, вели не казнить, а миловать». Ахнет Танюша, простит, еще крепче полюбит и зацелует меня до полусмерти. В радужных мечтах и надеждах не заметил, как восемь километров до ее деревушки пронеслись, и Буян лихо к воротам заветного дома сани подкатил. Гордо и громко друзей предупредил:

-Молчок, пацаны, свататься иду, - и как-то развязно, похабно захотал.

В общем. Снова гусарил, был глуп, как последний осел. Когда вошел во двор, с лихом выбившимся из-под козырька армейской фуражки чубом, она спускалась по лестнице в резиновых, залапанных навозом сапогах, в стареньком тулупе, в бабушкином тугом повязанном платке, с ведром воды в руке. Такой деревенской, обыденной и простой Таню я никогда не видел. Все нежные слова, которые бессонными ночами, ворочаясь в кровати. Говорил сотни раз ей – вылетели из головы. А вместо главного: «Здравствуй, любимая, если сможешь, прости», - выпалил:

-Теленка поить пошла? А я свататься приехал.

-Свататься? Твои пьяные сваты уже всю деревню оповестили, с пригорка только вас и слышно и твой смех... Витя, люди так не сватаются. И кто тебя только научил?

-Я предварительно. Так сказать, разведка боем.

-Опять шутишь? Лучше езжай обратно, откуда приехал, не позорь меня. Некогда мне и не о чем говорить, теленка голодом только морить.

Она прошла мимо и на пороге длинного сарая вдруг остановилась и, не оглядываясь, спросила:

-И когда, удалец, собрался невесту вести под венец?

Ох, не просто так она спросила, мне бы догадаться. Ну а тогда...

-Не сегодня же... Договоримся. Чин-чином приеду, как положено. С мамой и родными.

-Отпуска не хватит свататься ездить да еще свадьбу играть.

-Со свадьбой подождем. Закончу училище – поженимся.

Так звонко и громко она никогда еще не смеялась.

-Степной орел ты, Витя, хищник. Или дурака валяешь или правда ничего не понимаешь? Не успела я уехать в город учиться, а ты сразу по девчонкам. Теперь, значит, я тебя три года жди, а там ты решишь другую, помоложе да покрасивее посватать. А мне что, в старых девах век из-за тебя куковать? Нет, Витя, нет и нет. Расходятся наши стежки-дорожки в разные стороны.

И вдруг она пропела куплет старинной русской песни, там были такие слова: «Миленький ты мой, возьми меня с собой, там, в краю далеком, стану твоей женой». Не было смешинки в ее глазах, и где-то рядом витала догадка-разгадка, которую не понял, не осмыслил я в свои восемнадцать лет.

-Бабушка любила петь эту песню. Последнее, что я тебе скажу... Молод ты еще, Витенька, жениться. Не оставайся только перекати-полем, пройдет блажь, и ты будешь надежным мужем и хорошим отцом. У меня есть жених, и скоро мы расписываемся. Давай будем жить, как каждый хочет. Помнишь? Это были твои слова. Прощай и вспоминай иногда

нашу мартовскую ночь. Уезжай, все кончено, кончено, кончено....

Обратную дорогу помню смутно. Пил из горлышка вино и тоскливо слушал скрип саней, уперевшись тупым взглядом в два санных следа, увозивших меня из юности во взрослую жизнь.

Уехал я из села на следующий день. Как мать меня ни уговаривала, настоял на своем. Не выдержала, всплакнула она на автовокзале:

-Непутевенький ты мой, опять торопишься. Видно, на роду тебе написана дальняя дорога. Жаль, с Таней не помирились. С собой бы ее увез, или вдвоем мы тебя ждали, и мне не так скучно было бы жить одной. А там бы и ребеночек появился. Витя. Подожди, подумай, не уезжай!..

Но тронулся с места автобус, и маме ничего не оставалось, как прощально махать рукой младшему сыну и вытирая слезы.

Таня не обманула а, может быть, и назло мне, через полгода вышла замуж и родила двух сыновей. А я четыре года искал черноволосую, с короткой стрижкой, стройную, похожую на нее девушку. Были досадные ошибки и огорчения, и вдруг меня осенило. Искать надо там, где потеряли, в родном селе, где все любо и дорого сердцу. И это снова была любовь – возмужалая, но желанная и более ответственная. Моеей женой стала девочка, которая училась в школе на два класса младше меня. Красивая, очаровательная, юная, подарившая мне в будущем прелестных дочерей.

Подросшие дочурки нашли мой дневник, где были стихи, посвященные Тане Марковой, и теперь знали историю папиной первой любви.

Приезжая в село, я многое узнавал о жизни Татьяны от Светки, но никогда не пытался встретиться, не хотел ворошить прошлое и губить настоящее. Так прошло более двадцати лет... По ряду обстоятельств семья Тани переехала жить в соседний город, и мы наконец-то встретились... И еще в моей жизни был беспощадный, чужой нам Афганистан и страдалица Чечня.

Тогда, в знойный полдень, когда заснеженные вершины Гиндукуша замерли в изнеможении под жгучими лучами солнца, по радио с земли вдруг послышался испуганный крик авианаводчика Гены Стогова:

-Ракета! Пуск! Пуск! Пуск! «Стингер»! Ребята! «Стингер»!

Моя отвратительно вспотевшая от внезапного страха правая ладонь молниеносно прижалась к черной панели блока управления отстрела теплоотводящих ракет, а мгновенно онемевшие пальцы с трудом «танцевали» нервную чечетку на тумблерах включения, и указательный палец левой руки нажал на красную кнопку секундомера на приборной панели.

По бокам вертолета, из-под хвостовой балки, дружным веером рассыпались яркие светлячки вспыхнувших ракет, вступивших в отчаянный поединок с мчавшейся из глубины мрачного ущелья огнедышащей смертью. На циферблате комбинированных бортовых часов секундная

стрелка грозно и неотвратимо, выполняя ровные временные рывки, повела страшный отсчет времени.

В сиюминутном, животном страхе я невольно прикрыл глаза, чувствуя, как резко скжавшийся, похолодевший желудок подло опускается вниз живота, мозг распирает бешеное давление кровяных сосудов, а по омертвевшему, чужому телу, от головы до пальцев ног, неукротимо движется жгучая волна жара, как в русской баньке после удачного плеска водой на каменку, сверху, по потолку, и вниз, по полу, как после хлористого укола, как, как, как...

Не покориться, не сломаться, выстоять, перебороть страх, выжить в такой ситуации дано не каждому, и времени на раздумья нет.

Мне показалось, как будто грозно рыдая и тяжело вздыхая, разверзлись мощные кучевые тучи на небе, стремглав унеслись прочь блуждающие в вышине перистые облака, и из бесконечной, солнечной Вселенной, величаво и божественно. Всего на короткий миг, появился-прорезался страдальческий, печальный лик Христа Спасителя, а рядом с ним, всего в каких-то двух метрах, до боли знакомые и родные глаза прекрасной девочки-школьницы из далекой юности.

Сын божий легким взмахом руки перекрестил меня, одобряющим взглядом подбодрил девушку и тихо удалился, плавно исчез в бескрайней синеве неба.

Теперь, через промежуток прожитых лет, я точно знаю, говорю и верю, что Иисус Христос через образ девочки Тани явил мне там, в Афгане и позже в Чечне, свое великолодущие, милость, спасение и жизнь.

Усилием огромной воли я открыл повлажневшие, потяжелевшие ресницы и обомлел от радости.

-Таня, Танюша! Откуда ты? – хотел громко крикнуть и не смог, зачарованно любуясь, как в юности, синевой ее бездонных глаз, окаймленных ровной черной ленточкой пушистых бровей, полуприкрытых темно смоляных ресниц, прямым и бледным носиком, всегда мешавшим мне целовать ее цвета спелой вишни губы, к которым, с замершим в мальчишеском восторге сердцем, я впервые прикоснулся в далекую мартовскую ночь много лет назад. Она была в той же запорошенной легкими снежинками розовой шапочке, в мокрой зеленой курточке, но за ее спиной сегодня не пряталась темная и слякотная ночь, а светило усталое солнце и горные вершины, ревниво кося взгляд, осторожно соприкасаясь скалистыми гривами, бережно обнимали Танины плечи. Она по озорному, задиристо и приветливо засмеялась. Веселые ямочки-смешинки радостно скакнули на ее щеки и подбородок. Ажурные стебли маленьких ладошек в черных кожаных перчатках плавно вытянулись в мою сторону. Воздушные пальчики-стрелочки мягко коснулись поверхности выпуклого лягушиного цвета гермошлема, решительно сняли это тяжеленное

«чудо-юдо» с моей головы и как когда-то, летним вечером, возле дядиного дома, на желтой скамеечке, ласково погладили мою русую шевелюру, то ли успокаивая, то ли навсегда прощаясь со мной. Унизительный страх и омерзительный ужас, сковавшие чугунной цепью мой организм, потаенно соприкоснулись с девичьей нежностью, душевной близостью, сокровенным таинством первой любви, проникли в Танино сердечко, засставив ее встрепенуться, встревожиться и устремить построжавший взгляд навстречу спешившей ко мне смерти. Она все поняла, быстро бросила отчаянный, влюбленный взгляд в мою сторону, и слезинка капнула из ее милых глаз...

-Нет, нет, нет! – то ли наяву, то ли в бреду я услышал пронзительный девичий крик! Протест, огромная сила святой моци грозно сверкнули, брызнули из глубины воспламенившихся глазниц девушки. Я видел, видел, видел! Бесконечную, горящую малиновым светом, сверкающую огненными вспышками предохранительную дугу, которая, насквозь прорезав небо, горы, долины и реки, пролегла между моим вертолетом и курсом полета пузатого чудища.

Самонадеянная ракетная смерть нагло и напористо, с разбегу, наткнулась на огненную дугу, недовольно фыркнула, вильнула острым рылом туда-сюда и, хищно разинув зубастую пасть, смарено хрюкнула шеренгой могильной белизны клыков, пытаясь с наскока разорвать спасительную ниточку жизни, натянутую Таниной рукой.

Гневным взмахом волшебной руки она бросила огненный конец ниточки вниз, которая, извиваясь как змея, сверкая всеми цветами радуги, смело набросилась на жирное туловище монстра, вцепилась зубами в серое брюхо, презрительно плонула горящим ядом в его пасть и языком, как автогеном, разрезала пополам вдоль основания это мерзкое смертоносное ракетное создание.

Жуткую, смертельную мелодию войны нарушил звериный гул-визг ужасного взрыва уничтоженного ракетного монстра, превратившегося для меня в воспоминание, которое невозможно вычеркнуть из памяти. Мои руки машинально оторвались от панели управления и с искренней благодарностью потянулись в сторону Татьяны, натолкнулись на приборную доску, и я автоматически нажал на кнопку остановки секундомера. Неожиданно и с горечью заметил, как дорогой образ девочки стал плавно и неотвратимо растворяться в желто-коричневом мареве полуденной жары. Я рванулся в боковой блистер, пытаясь выскочить наружу, следом за Таней, но широкий привязной ремень уперся в живот и не дал мне сдвинуться с сиденья, а плечевые лямки парашюта вернули тело в исходное положение. Еще один прекрасный миг нашей встречи стремглав уносился в прошлое. Она еще успела нежно улыбнуться мне, и я слышал, слышал, слышал, как Танины губы радостно шепнули мне: «Живи, душень-

ка моя, живи...»

Стрелка секундомера на бортовых часах застыла на отметке 12 секунд. Столько времени продолжалась борьба добра и зла, поединок между жизнью и смертью. В этом бою я был не один и победил. Раньше я часто слышал, что в преддверии неминуемой смерти, перед глазами умирающего человека в какой-то миг может пронестись вся его жизнь. Увы, никто никогда еще достоверно не доказал, правда ли это. И пока никому не дано было вернуться из бездны небытия в живой мир, кроме Иисуса Христа. Только сын Божий достоверно знает сокровенную тайну мироздания и может спасти любого страждущего человека, ибо только он один пришел в этот мир со спасительной миссией и только ему ведано, когда наступит этот светлый час для умерших и живущих истинно верующих людей. Так случилось со мной в небе Афгана и в горах Чечни. Я молил Бога о жизни, был услышан его сыном и спасен их добрыми посланниками – моими ангелами-хранителями в образе любимых в юности и зрелом возрасте женщин.

Теперь я знаю, что в минуту смертельной опасности человеческая память может избирательно извлечь из своих потаенных закромов какой-то яркий миг, а воображение нарисует новую или повторит старую картинку, не обязательно добрую, бывает, и злую, скорее всего любую, в зависимости от окружающей обстановки, ситуации и психологически-эмоциональной нагрузки мозга в данный момент. Так случилось со мною и мне посчастливилось совместить в одной картине доброе прошлое и злое настоящее, где огромное желание жить победило смерть. Я все чувствовал, видел и слышал, и никто теперь не сможет убедить меня в тленности человеческого разума. Там, в Афгане, я поверил в бессмертие души и перестал бояться физической смерти. Никому, до последнего дня, я не рассказывал о моем чудесном спасении на войне. Но время прошло, и больше я не в силах хранить свою тайну.

Может и правда, посланцы умерших людей, в виде мартовских снежинок, возвращаются на короткий миг на Землю, пытаясь чем-то помочь родственным душам?

И как будто в доказательство моих воспоминаний и философских дум, через двадцать лет, поздним вечером, снова пошел густой и пушистый снег. Я увидел, как крупная снежинка ткнулась-стукнулась в балконное окно и устами младшей дочери радостно воскликнула:

-Мама, мама! Тебе по секрету. Я познакомилась на дискотеке с мальчишкой из соседнего города, его зовут Игорь. Оказывается, он наш земляк и почти все знает о нашем папе от своей мамы.

Впервые в жизни – растопырил уши, вплотную придвинувшись к кухонной форточке – я подслушивал чужой разговор и ощущал учащенное биение сердца.

-Бывает же в жизни такое. Правда, мамулечка? Познакомиться на далеком Севере с земляком, который родился вблизи нашего села! Не поверишь, словно родную душу встретила. Мы говорили, говорили, говорили и никак не могли наговориться. У нас так много общего оказалось. Я о папином дневнике вспомнила, правда, Игорю ни о чем не сказала, но сама выпытала, и он оказался сыном той самой Тани Марковой! Чудеса какие-то. Он мне свидание назначил, ты только папке ни гу-гу. Кстати, где он у нас? На балконе курит? Мама, прикрой скорее форточку, боюсь, услышит и может все нам испортить.

Громко грохнулась на пол кастрюля из рук жены. В щелку двойных штор я успел заметить ее встревоженные глаза и счастливое лицо дочки.

-Какая, мама, ты неповоротливая, я сама прикрою...

И тут же пухлая ладошка дочери закрыла форточку. Невольно я бросил взгляд в балконное окно. Мне вновь показалось, что одна из снежинок сверкнула яркой искоркой и растаяла, растекаясь с сотнями других небесных посланцев по мокрому стеклу. «Пусть идет все своим чередом», - подумал я и не стал вмешиваться в доверительный разговор жены и дочери.

В одиночестве, выкуривая сигарету за сигаретой, не пытаясь спрятать слезы на глазах, я долго сидел на жестком стуле, смотрел в окно, вертя в руке спичечный коробок. Вспоминал Татьяну в припорошенной снегом вязаной, розовой шапочке, восторженно и с детской наивностью говорившей мне о душах людей, возвращающихся на землю в виде пушистых снежинок. И самого себя – высокого, длинноволосого мальчугана в лохматой шапке, черной куртке с высоким воротником, осмелившегося на утренней зорьке впервые поцеловать любимую девочку.

Воочию, словно вчера, в зыбком мареве далекого Афгана, а может быть, в смрадном, нефтяном облаке горящей Чечни, сквозь сумрачную пелену тяжелых испытаний, я снова явственно видел в ночном мраке сибирской тайги лучезарный и светлый лик Спасителя, который неоднократно помогал мне победить смерть на войне, благословляя в делах мирских творить добро и радость, жить и служить во славу Отечества.

Я вспоминал юность, хорошо понимая, как иногда бывает обманчиво половодье первых чувств. И тогда Всеизынный решает развести сомневающихся людей по разным дорогам жизни, но оставляет в их душах не кровоточащую рану от обиды, а добрую память. Он может воскресить пламя любви в нас самих или наших детях, внуках... Захочет и воссоединит когда-нибудь две бруждающие во Вселенной человеческие души. Мою и Татьяны...

Там, на небе, мы обретем счастье и будем вечно кружиться в дружном хороводе снежинок, где не будет склок, ревности и обмана.

Снег вдруг резко прекратил стучаться в окна и быстро растаял на балконных стеклах. Я вывел сухим пальцем на мокром стекле фразу, которую подсказало сердце. Загадал про себя: если сохранится до утра, то завтра произойдет чудо.

И оно произошло. Рано утром меня разбудила тревожная трель телефонного звонка, легкий вздох и тихий знакомый голос:

-Виктор, ты?

-Да, - выкрикнул я, и, не здороваясь, добавил, - Подожди минутку, только секунду...

Бегу на балкон и отчетливо вижу на стекле ясно сохранившуюся надпись. Стрелой несусь обратно к телефону, успевая подумать: «Сохранилась! Не исчезла за ночь. Значит, так Богу угодно». Беру трубку, фиксируя каждое слово, повторяю ей слова надписи:

-Здравствуй, душенька моя... - и замолкаю в трепетном ожидании. Таня молчит целую вечность. Наконец зашуршила носовым платком, сбивчиво, глотая слезы, ответила:

-Надо же, помнишь, не забыл, столько лет прошло... - Всхлипы оборвались, и она заговорила своим звонким и ясным голосом.

-Если не знаешь, так знай: мой сынуля вчера познакомился с твоей дочерью.

-Знаю, - однозначно ответил я.

-Тогда легче с тобой говорить. Мой сын доверяет мне свои тайны, даже сердечные. Он в неописуемом восторге от знакомства с твоей Настенькой. Я в шоке. Мне ночью снилась моя любимая бабушка. Помнишь, я рассказывала? Витя, что будем делать?

-Ничего. Пусть будет, как есть. Главное, Таня, другое. Ко мне вчера вечером в окошко стукнула снежинка. Я подумал, может, она оттуда?

-Боже мой. Боже мой! А я проспала... Может, и бабушка стучалась ко мне? На дворе весна. Век себе не прощу. Снежинки, бабушка, март, знакомство наших детей... Помнишь, когда в отпуске по глупому ты сватался ко мне. Какой же ты был тогда несмысленыш... В сапогах, в тулупе, с ведром в руке я готова была бросить учебу и ехать с тобой на край света, но только не ждать целых четыре года. Дурачок, какой ты тогда был... Значит, договорились, что не будем мешать нашим детям? Годы, Витя, не те, чтобы глупить, и себе и близким трудности создавать.

-Не буду, Танюша, не буду. Слишком много ошибок я допустил. Теперь стараюсь соглашаться с мнением моих любимых женщин, у меня их целое отделение, а я у них рядовой солдат, в единственном числе.

Где-то там, в другом городе, в телефонной трубке, послышался сонный мальчишеский голос:

-Мама, с кем ты так долго говоришь? Такой хороший сон перебила...

-Все, сынок, умолкаю. Тетя Света звонила из деревни. Спи, Иго-

речек, спи, я прикрою дверь и передам ей от тебя привет. – Через несколько секунд озабоченный Танин голос зачастил:

-Сын проснулся. Сон ему, говорит, перебила. И ты своей Настюшке перебьешь. Не надо, чтобы кто-то знал о моем звонке. Звони иногда, Витя, хоть раз в год, раз судьба снова свела нас и наших детей.

-И ты звони, моя прекрасная, неповторимая первая любовь. До встречи на небесах.

-Витя, тебя опять заносить стало? На небеса всегда успеем. Я с тобой поговорила о детях, о былом и на душе легче стало. Помни, у тебя целое отделение любимых женщин. Ты счастливый, богач, одним словом. До свидания, душенька моя, я так, проснувшись утром, приснившейся бабушке сказала, а сейчас вот и тебе повторила. Главное у детей в семьях должно быть хорошо, и тогда мы будем счастливы. Все, все, все...

Телефонная трубка гудит длино и нудно. Интересно, что мама Таня говорит сейчас своему сыну? Скорее всего, целует его полусонную, недовольную физиономию. Пойду и я поцелую Настеньку. Спит младшая дочурка глубоким сном бок о бок с мамой – нашим ангелом-хранителем.

Возвращаюсь на балкон, кидаю взгляд на улицу. Пришла настоящая весна. Через час-два сырье окна высохнут, и растаявшие снежинки вернутся во Вселенную. Не будет и моей записи на стекле. Но я успел ее передать, выговорить той, кому она предназначалась. Поэтому на сердце не так тоскливо, и душа меньше болит.

Теперь весенняя снежинка долго не постучится в мое окно.

Остается молить Господа Бога о милости послать счастливые снежинки моим и Таниным детям, внукам через год, два, три, пятьдесят лет.

Мудрецы говорят: небесных гостей надо ждать в марте, когда начинается период любви и расцвета всего живого на земле. Верю им и жду не только я, но и девочка Таня – моя школьная любовь.

Верим, надеемся и ждем...

Борис Карташов

Автор книг документальной прозы «220-ый квартал» и «Историю не переделать», генеральный директор ОАО «Советская типография»

Бочка

Во дворе нашего дома, около крыльца стояла двухсотлитровая бочка для дождевой воды. Лето было засушливое – дождей не было, и бочка простоявала без толку. Мама прикрыла ее домотканым половиком, который сушился таким образом. После обеда трехлетняя Аля вышла поиграть на крыльцо. Заинтересовалась им, стала разглаживать, наклонилась и… очутилась в бочке. Сверху, как одеялом ее накрыло половиком. Пытаясь вылезти – не получилось, кричала, звала маму, папу, сестер – бесполезно, никто не слышал. Выплакавшись, незаметно уснула. Мама спохватилась часа через два: дочка пропала. Обежала все места. Где могла играть Аля. Не нашла. Близкая к истерике, устало присела на крыльцо. Вдруг слышит. Что-то шебаршит в бочке. Машинально заглянула туда. И увидела спящую дочку. Та проснулась от прикосновения и пробормотала:

–Мама, ты где где так долго была. Я уже устала ждать, – и протянула ручонки к ней.

О белочке

В поселке возле каждого дома обязательно красовались две-три огромные поленницы дров. Рядом еще лежало несколько сухар. Ожидая, когда их распилият, расколют и уложат в поленницу.

Три большие сухары лежали и у нашего дома. У отца все не доходили руки разделаться с ними. Однажды, играя с братом возле этих бревен, обнаружил в одном из них большое глубокое дупло. Тут же показал его Николаю. Он без размышлений заключил: в дупле обязательно должна жить белочка.

Нам очень хотелось увидеть и приручить ее, сделать все для того, чтобы она жила у нас. (Старшая сестра недавно прочитала нам одну из сказок А.С. Пушкина, где белочка жила в золоченом домике, пела песенки и грызла орехи). Главное, достать ее из дупла.

Одно дело мечтать, совсем другое – воплотить мечту в реальность. Нам необходимо было отпилить от огромного бревна чурку, где было дупло. Тогда можно будет быстро достать белочку.

Взяли в кладовке старые рукавицы, рогожный мешок, несколько горстей кедровых орехов. Это на случай, если белочку добудем быстро. Главное – нашли наточенную двуручную пилу. К работе приступили с раннего утра. Мать, увидев, что мы с братом отпиливаем от сухары чурку, похвалила: молодцы! – какая ни есть, все отцу подмога.

С перерывами пилили целый день. Пропил составил всего несколько сантиметров. Однако, это нас не смущало. Не поддалось нам бревно ни на второй, ни на третий, ни на четвертый день. Мы не сдавались, упорно продолжали работу. Отец с матерью хвалили за трудолюбие, но не спешили помочь. Пусть, мол, приучаются к труду. Мы же все держали втайне. Хотели преподнести родителям неожиданный сюрприз.

Прошла неделя. Наш пропил достиг почти метрового размера. Работы оставалось всего на один день. С вожделением мечтали, как эта чертова чурка отделится от ствола, мы увидим белочку. Рогожный мешок, рукавицы и орешки – наготове. Тут уж не подкачаем.

Последнюю ночь плохо спали. Все мысли были только о нашей красавице. Мы страстно ее любили, мысленно возводили ей золоченый домик в нашей комнате, кормили орешками. Учили петь.

После завтрака сразу же побежали на улицу. Пилили из последних сил. Наконец, тихонько пискнув, наша чурка отвалилась. Схватив мешок, тут же закрыли им отверстие. Прошла минута, другая – к нам в мешок никто не прыгал.

-Нет белочки! – заплакал брат.

-Может, она где-нибудь в глубине дупла спряталась? – успокаивал себя я.

-Нет ее здесь, - сквозь слезы сказал Николай. – Пойдем домой.

Нам не хотелось верить, что белочка здесь никогда не жила, что труд был напрасным. Придумывали разные оправдания и тем успокаивались.

Дома мать сразу обратила на нас внимание.

-Что, надоело пилить? – поинтересовалась она. – Не болтайтесь без дела, найдите себе другое занятие.

Если б мама знала, что искали в дупле ее дети. Но мы молчали. Об этой истории я рассказал родителям спустя много лет.

-А мы-то с матерью думали: какие у нас трудолюбивые сыны распут – не смущило их метровое в диаметре бревно. Половины недели пилили одну чурку, - улыбнулся отец.

Ворона и кукла

У Али игрушек не было. Поэтому она вылепила с подружкой куклу из хлеба, который спрятали за обедом. Игрушка подсохла, девочки с удовольствием играли с ней: наряжали, укладывали спать, разговаривали.

Вечером, спрятав куклу во дворе, ушли домой. Наутро побежали к своей игрушке. Но их опередила серая ворона. Она подлетела к кукле и склевала ее. Горе подружек было неописуемым. Весь день, плача, гонялись они за вороной, но поймать ее не могли.

Далеко от дома

Средний брат Вячеслав с раннего возраста любил петь. Но поскольку детских песен не знал, умело воспроизводил взрослые шлягеры. Помню, сидит он, шестилетний, на подоконнике и почему-то низким голосом распевает: «Далеко от дома, от родных сердец...» Пел и про синее море, и про белый пароход, на котором поедет на Дальний Восток...

Как-то сосед научил брата нескольким блатным песням. Славка их также с удовольствием исполнял. Особенно про прокурорского сына-бандита, мотавшего срок на Сахалине.

Не расставался он с песней и в юности. Пел в художественной самодеятельности в школе, лесотехникуме, в армии. Под баян лиились песни про ЛЭП-500 и горы Тянь-Шаня, Дальний Восток и ласковые волны Тихого океана. Славку всегда тянуло петь о романтике дальних стран и дорог. Наверно, песенный репертуар в какой-то мере определил его судьбу. После армейской службы он с семьей на десять лет оседает на Сахалине. У самого синего моря. Затем переезжает в приграничный район Киргизии, где живет до сих пор. Мать как в воду глядела: Славка точно «напоет» свою судьбу. Будет жить далеко-далеко от нас. Так и случилось!

В конце 80-х уговорил его вернуться в «родовое гнездо», в Серов. Однако, он передумал. А потом – развал Союза, безработица, беспредел... В этих условиях переехать стало нереально.

А сейчас уже и сам Славка не хочет менять место жительства. Сыновья женились на местных красавицах с раскосыми глазами, дочь вышла замуж. Появились внуки. Так и живет, правда, уже не у синего моря, а у синих гор.

Сука лысая...

Муж старшей сестры Валентины Петр работал секретарем парткома леспромхоза. В его кабинете висел огромный портрет тогдашнего Первого секретаря ЦК КПСС, Председателя Совета Министров СССР Никиты Сергеевича Хрущева. В октябре 1964 года его отправили на пенсию за перегибы и ошибки. Для Петра это был шок. Он, детдомовец, воспитанный комсомолом и партией, безоговорочно веря руководителям государства, вдруг узнает, что Хрущев был не прав. Зять снял портрет со стены и унес его к себе домой. В этот же день до чертиков наклюкался со связкой – любителем выпить по любому поводу.

Валентина вечером пришла к нам расстроенная данной ситуацией. Побыв некоторое время, попросила меня сходить к ним на квартиру – узнать, что делает ее муженек. Я подхватился тут же – было очень интересно понаблюдать за пьяным зятем – и побежал к ним. Стучусь. Тишина. Стучусь сильнее. Из-за двери раздается пьяный голос Ивана-собутыльника:

-Вам кого?

-Открывай, это я – Борька.

Иван долго возится со щеколдой, наконец, открывает и, глядя сквозь меня, спрашивает:

-А вы кто будете?

-Ты что, не узнаешь, - возмущаюсь я.

Захожу на кухню. Бардак какого свет не видел: остатки закуски, пустые бутылки, опрокинутое помойное ведро с картофельными очистками. У стены – портрет Хрущева, рядом секретарь парткома с кухонным ножом в руках. Взмах – и на полотне появляется большая дыра.

-Что, сука лысая, получил, - сквозь пьяные слезы кричит Петр, - на еще, волонтерист долбаный.

И так – пока портрет не превратился в лохмотья. На следующий день зять пришел к маме домой, виновато пряча глаза, извиняясь. Потом, улучив момент, тихо спросил меня:

-А кто портрет Хрущева порезал?

Вскоре его перевели начальником лесопункта. Прошло более сорока лет, но Петр до сих пор считает, портрет порезал не он.

Рогожкин, Бесогонов и дед Падерин

Колоритных, по-своему интересных личностей было много. На лесопункте они появлялись с каждым новым оргнабором. Местные копировали их повадки, их привычкам подражали, над ними подсмеивались. В своем большинстве это были люди беззлобные, услужливые и

одержимые. В хорошем смысле слова.

Одно время жили у нас «конструктор», «авиатор» и «геолог». Первый всем рассказывал, что вот-вот сконструирует машину-робот, которая будет замещать лесорубов на делянке. Дело осталось за двигателем, который, по его словам, он должен так «выгнуть», чтобы сжигал не больше литра бензина за рабочий день. Так и «гнул» он несколько лет мотор, пока не закончился контракт по вербовке. Уехал.

Второй – «работал» над сверхсекретным дирижаблем. Третий – все искал спрятанное в лесу золото адмирала Колчака. По интуиции.

А вот Рогожкин, Бесогонов и дед Падерин на лесопункте запомнились не творческими изысками, а оригинальностью поведения и манерой разговаривать.

Первый хотя и имел начальное образование, работал на лесопункте мастером нижнего склада. По поселковым меркам этой высокой должности сподобился благодаря членству в партии. Вступил на фронте. В те времена все «партийные» при «портфеле» были. Привлекал внимание маленьким ростом, огромной плешиной на голове и суетливостью. А что представляла его речь? Это был быстрый набор нечленораздельных звуков, перемешанных матерными словами. На любых собраниях Рогожкин всегда просил слова и «светился» за трибуной до тех пор, пока председательствующий не начинал стукать по стакану, мол, хватит – твое время вышло.

О чем говорил мастер? Разобрать было трудно. Но отдельные слова: «поняешь» и «кептать» слышались отчетливо. Первое слово он употреблял так часто, что в поселке его очень скоро стали называть «Поняишь».

Еще деталь, мат у Рогожкина был «трехэтажным». Не каждый мог, например, додуматься до словосочетания «ебенахуй». Рогожкин мог!

Жизнь «Поняиша» оборвалась неожиданно. После очередного запоя он застрелил из охотниччьего ружья жену и покончил с собой. Для всех это был шок. Рогожкин любил жизнь. Почему сделал подобное, никто толком не знал. Многие сельчане винили водку. Искренне жалели этого незлобивого и неугомонного человека.

Николай Бесогонов. Худосочный, с солдатской выпрямкой мужчина. И в будние и в праздничные дни не расставался с солдатской гимнастеркой, на которой тускло поблескивал «иконостас» из орденов и медалей. Такого обилия наград не было ни у одного жителя. Фронтовиком был взаправдающим. Провел в окопах не один год войны.

Как и многие воевавшие, любил выпить, выставить напоказ награды. Делал это своеобразно. После стакана водки перед собеседником обычно стучал себя в грудь, да так, чтобы медали звенели. Старался также во всех делах показать личный пример. Первым бросался занимать де-

рущихся, заступиться за слабого, оказывал посильную помощь нуждающемуся.

А как он подстригал? Это была песня. Любую мужскую прическу мог, что называется, с закрытыми глазами соорудить. Никому не отказывал.

-Война этому научила, - не без гордости говорил.

Погиб фронтовик нелепо, на субботнике. Молодежь решила возле клуба построить спортивную площадку. Устанавливалась мачта для аттракциона. Неожиданно не удержали. Столб стал падать. Бесогонов сразу бросился к мачте, пытаясь удержать ее. Не получилось. Лесина со всего размаха упала на него. Судьба!

Дед Падерин как оказался в поселке никто не знал. Как и не знали, где работает. Одно время будто бы обслуживал водокачку, затем сторожил на нижнем складе. Но ни там, ни там в рабочие часы его никто не видел. Зато перед закрытием магазина всегда стоял с ведром грибов. Продавал недорого – лишь бы хватило на флакон «Тройного». На замечания поселковых отвечал лаконично: «Тройной – это дешево и сердито!»

Что интересно, сильно пьяного деда никто не видел. Потом его, полуослепшего и больного, увезла не весть откуда приехавшая дочь. Если вспоминали Падерина, то всегда подчеркивали: «Вот это грибник был!»

Банка алычового варенья

«Двадцатовские» любили собираться вместе. Охотно принимали участие во всех мероприятиях, проводимых в поселке. Особое предпочтение отдавали выборам в Советы депутатов трудящихся. Знали, значимое политической кампании для них нет. Поэтому в этот день с 6 утра на ногах не только избирательный участок, но и жители. Люди, едва прощав глаза, по одиночке и группами спешили в клуб, старались проголосовать первыми, а значит получить возможность отовариться дефицитными продуктами в клубном буфете и магазине. Можно было купить сухое вино, шоколадные конфеты, копченую колбасу, стущенку. После обеда этих деликатесов уже на прилавках не будет.

Клуб как никогда наряжен. На его фасаде различные транспаранты и лозунги. Герб СССР. Торжественным выглядит зал голосования. На видном месте – портреты Ленина. Руководителей Советского правительства. Оформлен «Уголок избирателя». Бросаются в глаза красивые напольные дорожки, кабины для тайного голосования, строгие лица членов избирательной комиссии. Это создает праздничную торжественность.

Проголосовав, люди – пряником в буфет. Здесь уже яблоку негде упасть. Вокруг шум, звон граненых стаканов, подвыпившие голоса. То же самое в магазине и столовой.

К 21.00, за исключением лесника Ивана Северина, проголосовали все жители поселка. Он наотрез отказался выполнить гражданский долг: вчера его жене в магазине не досталось альчового варенья.

После долгих уговоров Иван выдвинул ультиматум: отдаст голос только когда купит сладкий дефицит. В поселковой избирательной комиссии инцидент отнесли к чрезвычайному. Доложили в Серов. Оттуда поступила команда: требование избирателя любой ценой выполнить!

Тут же состоялось экстренное совещание триумвирата в лице руководителя лесопункта, начальника ОРСа и участкового милиционера. После упорных поисков альчовое варенье все же нашлось в подсобке столовой соседнего лесопункта. В пункт назначения срочно снарядили транспорт. Через сорок минут председатель избирательного участка с несколькими банками злополучного варенья стоял в прихожей дома Северина.

-Жалко, что выборы не каждый месяц, - ворчал довольный лесник.

Клятва на верность

-Наш вождь, товарищ Сталин, тяжело заболел, - сказала на уроке учительница. – Об этом сообщили по радио, написали во всех газетах.

-А вожди разве болеют?

-Конечно, дети, болеют! – Октябрину Ивановну маленьким плашечком вытерла слезу.

Через два дня в школе объявили траур. Умер вождь всех стран и народов Иосиф Виссарионович Сталин. Хотя занятия в школе и были отменены, домой никого не отпустили. Все находились в классе. Октябрину Ивановну с девчонками плакали. Нам, пацанам, было жалко вождя, но как-то со слезами не получалось. Наоборот, настроение было приподнятое – ведь сегодня свободный от учебы день.

Октябрину Ивановну раздала чистые тетрадные листки.

-Дети, - обратилась она. – Сейчас каждый из вас напишет клятву верности заветам нашего вождя Иосифа Виссарионовича Сталина. Вы должны пообещать, что будете учиться не только на четыре и пять, но и быть достойными продолжателями его славных дел.

-А что если в делах я не смогу быть похожим на товарища Сталина? – задал бесстыковый вопрос Витька Ефименко.

-Значит. Предашь его имя! – сказала Октябрину Ивановну. – С таким учеником нам не по пути. Правда, дети?

Мы молчали, так как не понимали, что означает «быть продолжателями славных дел вождя» и что такое «не по пути».

-Давайте, пишите! – оборвала «дискуссию» педагог.

Через полчаса мы положили ей на стол свои клятвы. В них добровольно написали все, о чем просила Октябринна Ивановна об отличной учебе, примерном поведении, активной работе в деле построения коммунизма.

Наши листки она аккуратно скатала в рулончик и перевязала красной ленточкой.

-Ваши клятвы будут храниться в учительской за портретом Иосифа Виссарионовича Сталина, теперь он будет знать, как вы выполняете его заветы.

Было как-то жутковато от таких слов, хотелось спросить, как вождь будет следить за нами, но тут прозвенел звонок.

Прошел год. Наши клятвы Сталину стали забываться, да и учительница о них не вспоминала. Через восемь лет был развенчен культ личности Сталина. Его портрет кто-то забрал домой, а с ним и наши клятвы, аккуратно перевязанные красной ленточкой.

Конный двор

Он стоял на окраине поселка, недалеко от железнодорожной ветки. Привлекал внимание высоким побеленным известкой забором, за которым проглядывались добротные строения из бруса и огромные скирды сена. На фоне черных низкорослых бараков и частных домов конный двор выглядел светлым пятном на всем поселковом пространстве.

Территория считалась зоной санитарного контроля, поэтому туда зайти мог не каждый житель поселка. Однако детворы это не касалось. Мы знали заветную дыру в заборе, без особого труда с горбушкой хлеба в кармане проникали к стойлам лошадей.

У каждого животного был свой рацион. Например, лошади, занятые на трелевке и погрузке леса, овса получали больше чем те, которые работали на поселковых, хозяйственных работах. Их мы жалели, при первой возможности подкармливали. Животные привлекали своей силой, чистотой, благородным нравом. Не было случая, чтобы какая-нибудь из них укусила или ударила копытом.

Без боязни быть выгнанными с территории конного двора, часто наведывались к лошадям, когда работал старый конюх Миша Кульматов, репрессированный в прошлом узбек. По-моему, любил он только лошадей и детей. Нередко зимой зазывал в дежурку погреться. Здесь было тепло, вкусно пахло подгоревшим хлебом. Это, наверное, потому что на раскаленной плите всегда жарился овес. Им он нас,ечно хотелых есть пацанов, щедро потчевал. Мы шелушили поджаренное зерно, охотно жевали.

До сих пор в памяти остался запах конского пота, жареного овса и раскаленной плиты в дежурке конюха.

Александр Загоровский

Автор поэтической книги «Чудо-овоши».

О национальной гордости великороссов

«Мы русские! Какой восторг!»

A.B. Суворов.

Но почему мне не дают гордиться
тем, что пишу на русском языке,
тем, что хожу по собственной землице,
тем, что живу не где-то вдалеке.

Зачем с экрана позволяют сыто,
роняя пыль с напудренных ноздрей,
мне жечь на лбу клеймо антисемита,
за то, что я всего лишь не еврей.

Иль стыдно нынче быть одним народом,
чего б не вышло - обвинят опять:
- Вы русский? Ах! Как можно! Как не модно -
в Парижском клубе могут не понять.

И не поймут - да мне-то что за дело,
ничтожен этот бестолковый торг,
я - рапог-расс! потомок князя Белы,
какая сила! и какой восторг!

Бывало, знаете ли, сяду у окна (осень)

На осине холодное кружево,
жалъ ее - велика ли вина -
откраснела она и простужена,
обессыжена, обнажена.

Голосит мелюзга перелетная.
Хмаръ морозная. Темь-полумрак.
Исчезают. А я...Грустно - вот он я.
Пусто. Неощущимо. Никак.

Отогреет ли влага не пресная
иль негаданно развеселит?

Что ж одна ты, зачем бессловесная,
неуместная, во хмели?

Скоро будешь забыта, завьюжена,
не ко времени, но навсегда...
Оседает холодное кружево,
и ненужная стынет вода.

Сказка

(по мотивам народной)

Как успел Ванёк набраться
на часах да на посту,
так решил он разобраться
на Калиновом мосту

с ненаучным производным
иль ошибкою природ -
Чудом-Юдом земноводным
(тот третировал народ).

Ишь, за данью лезет, гада,
чуть не в каждую семью,
в общем, образумить надо
чудачка на букву Ю.

Прёт Иван, почти не пьяный,
чуть заносит молодца,
и свисает из кармана
рукоятка кладенца.

Вот и мост, под мостом речка,
на мосту Иван в дугу,
а вокруг ни человечка,
ни ку-ку и ни гу-гу.

Вдруг - и молнии, и громы,
и - откуда ни возмись,
прилетает насекомый,
весь в колючках сверху вниз.

Ваня сразу с ходу, с лёту
к Чуде-Юде подоспел,

нарубил голов без счёту
(а считать он не умел).

Но и тот парняга ловкий -
пальцем раз - и все дела,
глядь - на месте бестолковка,
там как будто и росла.

Бились долго, силы меря,
но, естественно, в конце,
одолел Ванюша зверя,
и был принят во дворце.

Дали Ване званье - сотник,
орден, кубок и диплом,
он теперь царёв работник,
то бишь - служащий при нем.

Юдо тоже не внакладе,
оприходован и сдан,
проживает в зоосаде,
называется - варан.

Переделкино

Поэт я средний, пусть пошире мелкого,
Не претендую в бронзу на века,
Мне только дачу дайте в Переделкино,
И подогрейте славою слегка.

Мне дачу только – много я не требую,
Ну, разве, плюс еще и гонорар,
Уж я тогда поэзию хвалебную
Давал бы ежедневно на-гора.

Без колебаний долгих и сомнения,
Попался лишь бы в руки карандаш,
Свяю гимн любого поселения,
Мол, так и так, мол, любим и шабаш.

А мэры, главы, прочие высочества,
Их думы глубже всякой глубины –
Вот где простор для **правильного творчества**,
Тем более в масштабах всей страны.

Открытие фонтана ли, забора ли,
Я как из автоматного ствola
Облагорожу нужными узорами,
В припеве приспособив купола.

Фанфарами и громкими гуделками
Восславлю то, что надо, точно в срок,
Мне только дачу дайте в Переделкино,
Чтоб избежать нехватки верных строк.

Круговорот

Что есть поэт? Душою тощий,
скоблящий редкостный падеж,
пустой ремесленник-рифмовщик
своих придуманных надежд.

Изрисовав листы блокнота,
на пальце пестую мозоль,
он выдавит всего, стонота:
А у меня такая боль!

Не может быть?! - к его печали
спешит допущенный пророк,
поймет, причешет, укачет
и приспособит номерок -

займите место как вам проще,
на выбор - между или меж...
... а там другой уже рифмовщик
скоблит замученный падеж.

Монолог

*Владимирским
экипажа.*

Я - МИ-8 - простой вертолёт,
отзываюсь на ручку шаг-газа,
командир мой - чего-то жүёт,
и уснул бортмеханик вполглаза.

А мне нельзя -
и без кнутов, без пряников,
трубу какую-то ташу
до буровой нефтяников.

Но, спокойствие внешне храня,
я перекоросинен и взвинчен,
вы-то кто? Да никто. А меня
изобрел Леонардо да Винчи.

Эх, жаль, неправомочное
моё такое мнение,
и проявляю молча я
настойчивость и рвение.

Никогда, видно, мне самому
не понять, для чего так упорно
добывают они эту муть,
и зовут ее золотом чёрным.

Ведь новые да резвые -
известно всё заранее -
пропьют ее, болезнью,
в какой-нибудь Испании.

Не расстроюсь я даже никак,
знаю - вряд ли меня кто-то спросит,
мое дело - месить облака,
я простой вертолёт, я МИ-8.

Путь

Стороной, в невысохшей росе,
обозначен лишь, но не помечен,
я бреду туда. А что же все?
Почему идут они навстречу?

Почему? - натруженный хребет
искрошил извилин паутину -
я не знаю. Я спешу к тебе,
а они на рынок. За полтину

прикупить, чего дадут - лоток
счастья куль и вырезки туда же,
налетай - со скидкою - а то!,
подставляй, сегодня распродажа.

Пусть их. Я по хриплым голосам,
между лобызаньями и бранью,
от замерзших губ к твоим глазам
сократить пытаюсь расстоянье...

Трибун

Трибун, ошеломленный простотой
Процесса оккупации трибуны,
Вгоняет в массы мудрости гарпуны
С особенной какой-то добротой.

Ему стакан неслышно подают
С пузырчато-изысканной боржомью,
Избранныки томятся в нежной коме,
У них кругом порядок и уют.

И служка местный где-то на низах
Внимает, засыпая понемногу,
На лбу его всеобщая тревога,
И мальчики красивые в глазах.

И нацепив на лацканы значки,
Монахи бьют в тамтам остервенело,
Толпа уже заздравную запела,
Доудовлетворенная почти...

Национальные поэты

- Ах, жизнь моя, ты словно клетка! –
скрипит с надрывом в голоске
национальная поэтка
на русофобском языке.
Ей вторит нудно и протяжно:

- А у меня совсем конец, -
голубоватый, но вальяжный
национальный поэт.

Давясь слезой, строчат и строчат,
мол, жизнь убога и горба,
что все могло быть даже очень
когда б не горькая судьба.

Когда б не злобные наветы,
когда б не щели на полу,
когда б не подлые Советы,
когда б не быдло на углу.

Из Тель-Авива и Нью-Йорка
спешит их стройный бедный глас:
-Эй вы! Кто есть там на задворках?
Глотайте нас, любите нас.

А подголоски из столицы –
уже не здесь, еще не в сласть,
им тоже хочется вмасститься
на тот же кон и в ту же масть.

И вроде есть уже просветы,
и стонут в боли и тоске
национальные поэты
на русофобском языке.

Песенка партнера. Фигурное катание

Я еду задом – в надпись «Кока-Кола»,
что на борту – обзору ни хрена,
передо мной объект другого пола,
партнерша, значит. И еще жена.

Сегодня произвольная программа –
двойной чего-то, а потом тройной,
потом полста четыре килограмма
эффектно зависают надо мной.

Ведь говорил – не ешь сметану с крынок,
«свое, свое», свое, а тоже груз...
...рука застряла между половинок,
заметил если кто – какой конфуз.

Еще минута, долгая такая,
прошла, но Моцарт нынче что-то скуп,
сейчас ее за ногу размотаю
и... вот уже выходим на тулуп.

Почти что все, спокойно, без раскачки,
каскад дорожек, полуоборот,
и монумент – колхозник на батрачке...
...пойду в хоккей, тоска меня берет.

28 декабря

Не спеша, незаметно и строго
тroe в сером - какой по злобе -
за идею! - убили Серегу,
а потом - привязали к трубе.

Мол, повесился. Пил, дескать, лишка.
Знать - судьба. Остальное - не в счет...
...Три десятка всего-то. Мальчишка.
Молодой - и не пожил еще -

на кладбище стонала подпевка.
И темнел потревоженный снег...
... там стояла продажная девка,
рядом черный стоял человек...

Ты

Natalie

Спаси тебя Господь, благослови,
и сохрани от злого провиденья,
мелькнуло и исчезло озаренье –
мы ничего не знаем о любви.

Под тяжестью несобранных камней
и в распорядке сладостных объятий
мы близим понимание заклятий –
мы ничего не ведаем о ней.

Быть может, есть, да велика ли честь?
Ее удел - гореть неутомимо,
мы в суматохе пробегаем мимо –
мы ничего не смыслим в том, что есть.

Так не нарушь, Господь, не разорви,
не поспеши – ни действием, ни взглядом.
И я не здесь, и ты со мной не рядом –
мы ничего не знаем о любви.

Философия

*«Я б засосал стакан –
и в Ватикан».
В.С.Высоцкий*

Мол, не кури, не пей и больше клизм –
вещал мне доктор, дёргая бородкой,
режим, зарядка, сон - сюрреализм –
такой густой - не грех разбавить водкой.

А я мотаюсь - где, не помню сам,
в однообразно-радостном обломе.
Ах, доктор! Да - он что-то прописал,
но - выходной, останусь лучше в коме.

Суббота нынче, опаньки, братан,
наполним души в русско-финской бане,
я б засосал стакан - и в Ватикан,
да что там делать, в этом Ватикане.

И где вина - в вине иль не в вине?
Не знаю я, но попрошу гравёра,
пусть на кольце он нарисует мне:
«Пройдёт и это. Только бы не скоро».

Шаолинь

Я приехал в Шаолинь,
Где покой и неба синь,
С посевной, с картошки, прямо с дачи.
Глядь, за деревом, в кустах
Просветляется монах,
Отдыхает в стойке киба-дачи.

Мы, чай, тоже не с Европ,
Я тихонько с боку – хлоп,
И мавашей вырубил в подкате.
Да спешил, однако, зря,
Он там был за главаря,
Если по-китайски: настоятель.

Тут плечисты и крепки
Подгребли ученики,
Я туда-сюда, куда деваться?
Но очухался сенсей,
Тянет руку, хрен, мол, с ей,
Кто таков, рассказывай, мол, вкратце.

Из Тамбова я, Степан,
Изучать приехал Ян,
А потом гоню без остановки:
Как по сотке за приезд?
Он огrel в один присест
Литру белой, видно – тренировка.

Через месяц Шаолинь
Не узнатъ, где Ян, где Инь,
Я в нирване, разгоняю тучи,
А монахи за столом
Травят байки напролом
Про Чапая, Вовочку и Чукчу.

Так, кумекаю, пора,
Шасть, и ходу со двора,
Мол, покос, мое бы не скосили,
Настоятель у ворот
Кулаком гляделки трет:
Слышишь, Степан, возьми меня в Россию...

Отрешённость

Начинаний своих неизбежность и срочность пустую
отгони - заезжай - здесь всего лишь один паровоз*,
я тебе подарю, я тебе навсегда презентую
непонятность огня и похмелье от утренних рос.

Я тебе покажу, что вершится, случается ночью
у неслышной воды - на изломах границ бытия -
всё слагается здесь из неточных одних многоточий,
не особо таясь и совсем ничего не тая.

Ты узнаешь, что чай пьют из кружки заваренным крепко,
неразбавленный спирт - он всего лишь заборист и крут,
здесь свобода - рюкзак, сапоги да прожжённая кепка,
здесь за это рубля никогда ни с кого не берут.

Это очень смешно, это слишком несбыточно просто,
только стоит ли так-то - всегда делово и всерьёз?..
А дела - упакуй - завяжи в три узла с перехлестом -
подождут. Приезжай. Здесь всего лишь один паровоз...

*Паровоз (местный сленг) - любой железнодорожный состав.

Сегментация (ассоциации)

Замкнулся круг. Не падает звезда,
взрывая полусферу подпространства,
и на ладонь привычно ляжет мзда -
критерий бытия и постоянства.

Хиреет ссудодатель над мошной,
больного лекарь потчует отравой.
Увольте, сударь! Право же, смешно -
кому-то там обидно за державу.

Здесь каждый третий - князь или барон,
ценитель тонкий Канта и балета.

Извольте, сударь! Жалуют вам трон
за два удачно списанных ответа.

Перелицован задом наперёд
фасад давно, но капает со стенок.
Налейте, сударь! Водка придаёт -
и тем, и этим - красочный оттенок.

Грусть-тоска

Дайте мне гитару. Между разговором.
Сигаретку в зубы. Водочки на дно.
Я сорву, встревожу струны перебором,
и спою вам, только - что-нибудь одно.

Что-нибудь такое. Про печаль-кручину.
Про того, что вьётся, кружит в тишине.
Да чего ж на дно-то? Лей - наполовину.
И не плачь покуда. Я еще вполне.

Я уже не новый, но других не плоше,
правда, отшлифован - словно истукан.
Пить, конечно, буду, а курить - не брошу.
Вот и покатило. Наливай - стакан.

Наливай полнее. Я опять не с краю.
Снова сигаретка и прищурен глаз.
Дайте мне гитару. Дайте - я сыграю.
Что-нибудь такое. Много-много раз.

Сегментация-2

(ассоциации)

А дело было плёвое,
и времечко фартовое,
полуботинки новые -
товарищ господин.
От выстрела до выстрела
катилась речка быстрая,
слегка прикрывшись листьями
краснеющих осин.
Ударил в землю колокол,

кто на себе, кто волоком,
под мехом да под войлоком -
по записи к венцу.
Дозволенными позами
переползали-ползали,
лицо утыкав розами
известному певцу.

Девчонка в летнем платьице -
то маленькое счастьице -
в подвале, сундуке-ларце,
под рваным кумачом,
а что-то непонятное,
украшенное пятнами,
листы меняя мятые,
толкует ни о чём -

потом оно забудется.
Фарфоровое блюдице,
под ним скатёрка грудится,
и в чашке - кофеин.
Где ж беломорканалина -
докурена, опалена,
на темечке опалина,
товарищ господин.

Разрослась трава

Разрослась трава - давно не кошена,
над урёмой дым - не к хорошему,
на Святую Русь лезут наново
окаянные да поганые.

Окаянные - разномастные,
кучерявые да вихрастые,
до чужих деньжат шибко падкие -
глазки острые, пальцы хваткие.

А чего ж не лезть - межполосица,
там, глядишь - оно и не спросится,
на защиту встать - тоже вот беда -
то ли некому, то ли некогда.

Ой, не рано ли сатанаёт враг,
видно с памятью у ребят никак,
не впервой Руси одолеть напасть,
помянём святых - не дадут пропасть.

Да и сами мы не безрукие,
не безликие, не беззвукие,
долго ль снять мечи, остро точены,
с корнем вырезать червоточины.

А потом в росу выйти босыми,
без кольчуг и лат, выйти с косами,
да сложить в стога травы дружные
в сроки верные, сроки нужные...

Танзанийский вояж

Мы лезем с корешком на верх Килиманджаро,
Там впереди снега в шесть тысяч высоты,
Под нами пастухи и местные аграры,
И прочий контингент – рядами и впритык.

Вот промелькнули вниз прыгучие архары,
А может не они, но все равно козлы,
А мы туда, туда, в вулкан Килиманджаро
Со скрипом прём давно заевшие мослы.

С чего вы так – пешком и абсолютно даром –
Нас спрашивал один почтенный макондей –
В окрестностях глухих горы Килиманджаро
Шатаетесь без средств, понятий и идей?

А мы ему: «Братан, чтоб не было базара,
Пустяшных косяков и лишней траты сил,
Мы лезем с корешком на верх Килиманджаро –
Привет, мол, с северов, и в целом от Руси».

Быть может, по пути вдруг обнаружим йети –
Как ни крути – родня, и бродит где-то тут,
А нет, тогда рванем в соседний Серенгети,
Они там, говорят, деревнями живут.

Нет, для меня за жизнь неинтересен разговор

Нет, для меня за жизнь неинтересен разговор,
В ней все понятно вдоль и поперек,
Мне б сигаретку Приму, подойдет и Беломор,
И чаю мне бы крепкого глоток.

Куда спешите, прете, разбитное братие?
Пока не поздно, жми на тормоза.
Неровен час – не сохранят шальное бытие
Ни крест, ни лобовуха в образах.

О чем базар – в полях растет свекла и лук-порей,
Перезимуем, беды нипочем.
- Храни Господь! – орет из Jeep’а пьяный иерей
и щепоть тычет в левое плечо.

Терпите, православные! Вас счастье поразит,
За это отвечает думный дьяк,
А что не так, так то Мамай – известный паразит –
С тех пор не оклемаемся никак.

За синим едут синие – освободи простор,
Расслабились, и тыща лет не впрок.
Нет, для меня за жизнь неинтересен разговор,
В ней все понятно вдоль и поперек.

Сегодня другой я (из переписки с Е.Диневич)

Сегодня другой я. Распахнутый малость.
Ломака потешный. Дурашливый. В саже.
Жалеешь, что мимо? Пожалуй, останусь.
Где шкатулка у вас тут? Пристрою поклажу.

А с банькою как? Только ванна... Пустое.
Вот баньку! По белому. В неге туманной
березовым веничком в хвойном настое...
... на хилый конец обойдемся и ванной.

Сама-то не стой, суетись мало-мало,
неси пол-литровый, родной, запотевший.
Ты... это... чего про потом намекала?...
Шучу я, шучу. Я сегодня потешный.

Гитару! Конечно! На белом колочек
завьется, зайдется струна-недотрога.
Мы вместе сегодня легки и порочны.
Мы вместе сегодня. Недолго. Немного.

А завтра, ты знаешь? – наступит похмелье...
Ты знаешь! – наступит. Работа. Усталость.
И завтра, и после, и через неделю.
Но это потом. А сегодня останусь.

ЦИКЛ

Почему-то яркий свет плохо освещает,
Вроде – вот оно, рванусь – попадаю в тьму,
На дороге я, один, я один – с вещами,
А куда дорога та, что-то не пойму.

Вроде кто-то рядом есть, кто-то не забытый,
Вроде рядом, вроде есть, вроде где-то тут,
Но не внятны голоса, образы размыты,
И распахнутая кисть ловит пустоту.

Ухожу, зачем иду, знает лишь осина,
Что краснеет и дрожит, в сумраке таясь,
Осень видно и ее тоже подкосила,
Растащила по чуть-чуть, тоже – прямо в грязь.

Почему-то в темноте видно понемногу –
Силуэты, но не те, судя по всему,
Край какой-то, а за ним – серую дорогу,
Вот куда дорога та – что-то не пойму.

Человек с чемоданом

Человек на вокзале, на четвёртом пути,
его рано подняли, где-то в пять без пяти,
он считает огни в чёрном облаке рваном,
на перроне один: человек - с чемоданом.

И на главный вопрос у него нет ответа,
не пришел тепловоз, не досталось билета,
нет карманов в пальто, нет и денег в карманах,
он ничей и никто: человек - с чемоданом.

Упадет на бетон догоревший окурок,
на витрине вагон отражением хмурым,
у вагона скамья, там - и страшно и странно -
то ли он, то ли я - человек с чемоданом.

Дао

На небе фиолетовая синь,
сознанье тут и там - на грани фола,
во мне пока преобладает Инь,
его травлю я стилем Богомола.

Под небом непроявленная рань,
одним массивом серым, без изъяна,
во мне опять вперед прорвался Янь,
унял его я - стилем Обезьяны.

И, силясь в тишине услышать шум,
гоню вопрос, что мучает до колик:
- На кой мне эти дао и ушу,
когда я вечный скиф и алкоголик?

Зарисовка

Подмосковье. Дачи олигархов.
Рядом недожженное село:
Со столба – уездного монарха
Щерится несвежее хайло.

Столб устал, на пасынок опёрся,
Растерял с годами провода,
Взглядом мутным бродит по болотцу,
Только что там? – тухлая вода.

Проникает в высь и в ширь столицы
Неуёмный валовый доход,

Жаль одно – картошку съели крысы,
Ничего, когда-то повезет.

Ничего, авось когда-то будет
Новый дом, а в нем покой и лад.
Ничего, авось найдутся люди –
Сор сметут и окна застеклят.

А пока – ходи по тыще в руки –
Две бумажки, как проказу, в щель.
Что мужик?! Он просто скажет: суки.
Без намека, без издевки – в цель.

Чу! Гуляют господа и дамы,
Лимузины, закусив узду,
С визгом, бубенцами – в третий замуж –
Понесли прыщавую звезду.

- К Яру! На столицу – с перематом,
Сохнет гарь от маяков ГАИ –
Мчится тройка! Главы, депутаты,
С ними слуги, с теми – холуи.

Вот она! Вот так вершится мера!
Не из этих? Так пади в разбег...
...Столб упал. В болото. Мордой мэра.
Подмосковье. Двадцать первый век.

Я просто Шура. Шура Балаганов

Пилю, пилю – ее, сопя и прея,
не из азарта, больше на авось.
Мой дед из ортодоксов, из евреев,
и бабка... Только мне не довелось.

Не вышел фарт. Ни –вичей и ни –манов...
Иль прикупить?.. Да нет, подымут шум.
Я Шура, Шура, Шура Балаганов,
и четко букву эр произношу.

А жаль слегка. Вот так, глядишь, в охотку,
припрятав камень в потайной карман,

я б записался – мэром на Чукотку,
или махнул на речку Иордан.

И там, в заветных кущах Иордана,
в тоске рифмуя клены и пургу,
гулял бы Сяша, Сяша Балаганов,
на том, whom, надо, берегу.

Эх, не судьба, по полкопейки тырю,
мечта моя - пятерка косарей,
а Паниковский, гад, - Пилите гирю!
Не хочет сам – пройдоха и еврей.

Безответная любовь

*В коробках с конфетами
всегда есть бирка с надписью:
«Расфасовщик № ____»*

Не могу, не могу оторваться,
из последних - давлюсь, но жую -
расфасовщица номер пятнадцать
раскровавила душу мою.

Надпись блеклая на этикетке -
резонансом артерий и вен -
ох, конфетки мои, вы, конфетки
из далекого города N.

Как она там? За многоголосьем
коллективных и личных проблем -
может, муж ее, бестолочь, бросил,
может, не было мужа совсем.

Ни следа, ни намека, ни фото,
телефон, да хотя б адресок -
позвонил бы я ей на работу,
написал бы, глядишь, письмецо.

Рвусь на части, но нет, не добраться,
на коробке царапаю лак:

...расфасовщица...номер...пятнадцать...
Нам не встретиться, видно, никак.

Безысходность

Уели. Урезонили. Достали!
Мой вам последний пламенный салют.
Уеду я. Уеду я в...Израиль...
хотя туда, пожалуй, не возьмут.

Но я сказал! Без поворота, ибо -
хомут на шее, на ноге капкан -
обрежу всё, что надо - и к талибам,
устроюсь камикадзе в ероплан.

Чего эт я? - на деле-то на самом
гоню такое? - Господи-Иисус!
Нет - на Тибет подамся к этим... к ламам -
метровую отращивать косу.

Там обрету покой и пайковые,
и буду строен, просветлён и свеж...
опять же...говорят, там голубые,
а я всегда по жизни «цвета беж».

Ну так куда же?! Обложили. Тяжко.
И я бегу - прорвемся, ничего -
в «аптеке» отпускают без бумажки:
«Пол-литра. С этикеткой. От всего».

Рюмашечка одна, потом другая,
и две - по сто, и сто - на посошок.
Нет, к черту, не поеду никуда я.
Мне здесь неплохо. Даже хорошо.

Бухгалтер

Когда-то он был лирик (или физик?),
но выбор оказался невелик,
и при раздаче выпал вроде мизер,
а в прикупе попалась дама пик.

Теперь его сомненья не бередят,
он всё забыл, зарылся в вечный транс:
активный дебет и пассивный кредит
он сводит в неподатливый баланс.

Глотая кофе в сигаретном смоге,
он шепчет непонятные слова,
и делит-множит ставки и налоги,
и заполняет форму номер два.

А вечером, забросивши проводки,
и зачеркнув крест на крест бизнес-план,
нальёт он ровно двести граммов водки
в граненый и зазубренный стакан.

И – в ночь потом, и сон ему покажут
про светлые большие города,
в которых будто он бывал однажды -
он физик (или лирик?) был тогда.

Из переписки

*«для Вас найду местечко... так, случайно...
вот здесь, к ногам поближе, там тепло.
двуухсотый, говоришь? немудрено
зима... Камин включить? Иль чаю?»*

E.Диневич

Да нет, пожалуй, водки - настоящей -
без тоников и трубочек во льду,
я мерзлый, бесприютный и пропащий,
я так... в другую сторону бреду.

К Вам ненароком. Уж простите, право.
Я ненадолго и не на постой.
Включить камин??! Ну надо же - забава.
У нас их разжигают - берестой.

Что, водки нет? - лишь содовые виски,
эх, жаль, что нету, водочка - она
добрит и греет, в голове не виснет.
А виски что? - никак. Полутона.

И виски, и улыбки, и поклоны,
при сигаретах умный диалог -
полутона. Сплошные полутоны.
Все между. Все бесцельно и не в срок.

Вот потому я изредка хмелящий -
но настоящий! - жалую стакан.
А так-то я - не очень и пропащий...
...пора к перрону. Где мой чемодан?

Анатолий Казанцев

Автор поэтического сборника «На северных ветрах» (2006 г.) работает учителем русского языка и литературы в школе п. Пионерский, руководит детским поэтическим кружком «Истоки».

***

Твой поезд недалек уже
До станции конечной.
Пора подумать о душе,
О том, что вечно.

А ты еще живешь в плену
У дум о мести,
У лжи, у зависти и у
Лукавой лести.

Еще в тебе, найдя приют,
Бушуют страсти.
Они живое сердце рвут,
Как псы, на части.

И ненавистница любви,
Гордыня злая,
В тебе живет, долги твои
Приумножая.

На взгляд случайный, облик твой –
Как сад цветущий,
На самом деле – Боже мой! –
Как ты запущен.

Еще удачу ты берешь
Силком, нахрапом,
И для тебя – как острый нож –
Казаться слабым.

Когда ведешь о близких речь –
В твоем рассказе
Слова – как грубая картечь,
Как комья грязи.

И жизнь, что не от одного
Зависит хлеба,
Всесело плоти отдаешь
Ты на потребу.

Любого в важности своей
Заткнешь за пояс.
Но мчится к станции твоей
Твой скорый поезд.

А ты, в неверии блажен,
Живешь беспечно.
Пора подумать о душе,
О том, что вечно.

Перед зеркалом

Вы, сударь, негодяй! Берите шпагу.
Настало время нам скрестить клинки.
Идя на Вас решительно в атаку,
Я постараюсь проявить отвагу,
Чтобы вернуть Вам давние долги.

От Вас потусторонним веет холодом.
В самом себе, как осторожный лис,
Умение молчать ценили смолоду,
Хотя порой молчание не золото,
А самый откровенный сволочизм.

В ответ на брань не издавай ни звука,
Коль в жизни очень любишь тиши и гладь?
Вот если б словом помогли вы другу,
Его бы шею не стянула туга
Петля. Но вы сумели промолчать.

За честь любимой гнусно не посмел
Свинцовых, веских слов найти стилю,
Чтоб вызвать хама на дуэль, к барьеру,
И там, отбросив мягкие манеры,
От всей души набить ему мурло.

Вы никогда не попадали в яблочко,
Боясь, что точность вызовет эксцесс.
Поэтому для многих были лапочкой,
Угодливо помалкивали в тряпочку,
Когда имели шкурный интерес.

По-вашему, вы поступили здраво:
Начальникам молчальники нужны.
Различий между нами мало, право, -
Лишь только то, что Ваше сердце справа,
Мое же бьется с левой стороны.

Вы речь мою восприняли со скрипом.
И хоть, признаться, было нелегко,
Но против Вас я меткий сделал выпад.
Я – настоящий, вы – подделка, липа,
Холодно-молчаливое стекло.

***

В нем глупой подозрительности нету,
Наивный взгляд ему судьбою дан.
Способен он за чистую монету
Принять замаскированный обман.

И за такую искренность натуры,
И за отказ упорный стать другим
Лукавые – с улыбками авгуром –
Частенько потешаются над ним.

Но что ему до них?! Себе с пеленок
Путь в жизни волен каждый выбрать сам.
Доверчивый, открытый, как ребенок,
Он так живет, как им не по зубам.

***

Завелась на всю катушку
И на весь считает свет
Громко щедрая кукушка
Мне остаток моих лет.

В первый раз раскуковалась –
Словно на голову снег:

Предсказала – жить осталось
Не один еще мне век.

Не живали столько предки.
И пока что на земле
У людей такой отметки
Нет на жизненной шкале.

То кукушки перекосы,
Сумасбродство, прихоть, блажь.
Но от птичьего прогноза
Дух захватывает аж.

Верю в чушь?! Невероятно!
Стыд и срам перед людьми!
Но порою так приятно
Обмануться, черт возьми!

***

Вчерашний день конфликтовал неистово
С неугомонной совестью твоей.
И ты его за дверь насилиu выставил,
Сказать иначе, выдворил взашей.

Казалось, насовсем – а он с угрозами
Явился, как заправский скандалист,
К тебе во сне и начал бить вопросами,
Словами крыть – пристал как банный лист.

Влез в душу со своим неудовольствием,
Махал руками и критиковал
За то, что ты не так его использовал,
А потому надежд не оправдал,

Что многое, к большому сожалению,
Сказал и сделал ты не по уму.
Хотя до слов твоих и поведения
Какое дело, в общем-то, ему?

Он власть свою утратил окончательно.
И ты не хочешь жить вчерашним днем,
Но за тебя цепляется он тщательно,
Живет в душе, в сознании твоем.

Ругается, с тебя снимает стружку...
Он, как комар, во сне тебя допек,
И ты его прихлопнул: взбил подушку
И на другой перевернулся бок.

***

Годы мчатся бурной чередою.
Вот уже вплотную подхожу,
Крупные бои ведя с собою,
К полу вековому рубежу.

На переднем крас отдых редок.
Я в сраженьях частых закален.
Армии своих же нервных клеток
Наношу значительный урон.

В этом поединке нет героев:
Я – в одном лице – и друг, и враг.
То ли уж поднять над головою
Для переговоров белый флаг?

Но со мной нелъзя договориться:
Я не отступаю ни на пядь.
Пока порох есть в пороховницах,
Видно, так и буду воевать.

Александр Смирнов

Вся жизнь Александра Смирнова связана с нашим таежным краем. Здесь он окончил школу, отсюда ушел на воинскую службу, женился, работает, написал свои первые пейзажи, графику, стихи. И первая книга, которую он назвал «Дорога в осень», отпечатана тоже здесь, в ОАО «Советская типография». Его стихи проникнуты любовью к природе, друзьям, творчеству, женщине.

«Кожан»

Хочу купить себе «кожан»
На меховой подкладке,
Чтобы зимой не замерзать
И в дождь быть, как в палатке.

Еще куплю себе рюкзак
Оранжевой расцветки,
Чтобы карманов двадцать пять,
На каждом – этикетка.

В одни карманы сны сложу,
В «потай» – стихи и прозу,
А в сам вместительный рюкзак –
Заткну судьбу-занозу.

И в этом модном «кожане»
Да с рюкзаком крикливым
Ворвусь домой к своей жене
Безумным и счастливым!

Осенний вальс

Затяжной, моросящий дождь –
На неделю сентябрь состарен.
Предоставленный сам себе,
Я ему от души благодарен.

И не надо картошку копать,
И по ягоды ехать не надо,

И не хочется водку глотать.
Дождь -- отдушина и награда.

Разгорелся рябиновый стан
В хороводе берез и осин.
Что мне Шишкин и Левитан --
Здесь сюжеты моих картин

Дождь дал времяя стихи сложить.
Время дал поработать кистью.
И с самим собой примирил,
Потому я доволен жизнью.

1997 г.

***

Ничего так не дорого мне,
Как участие, просто участие.
Если ты на коне,
А друзья в стороне,
Знаю, это большое несчастье.
В трудный час, черный час
Был бы хлеб, был бы квас,
Был бы друг,
Остальное приложится.
Как ни грустно сейчас,
Избегу пышных фраз --
Нашей дружбою
Счастье умножится.

Два креста

Два православных креста --
Мамы моей и отца.
Рядом уже навсегда
Два символа-близнеца.

Трудно, с надрывом жили.
Да мне ли о том судить.
Нас вот троих родили
И помогали ходить

По непростым дорогам,
Выделенным судьбой.
Вы – на суду перед Богом,
Я – пред самим собой.

Каюсь, во многом каюсь.
Сам отпускаю грехи,
Горько ночами маюсь,
Сиротские пищу стихи.

28.06.03 г.

Весенний рассвет

Спазаранку на старенькой «Ниве»,
Когда только разбелится ночь,
Укачу к непролазным сугробам,
Чтобы солнцу подняться помочь.
Прокричу ему: «Где ты, Ярило!
Красно-розовым брызни, не мучь!»
Запунцовеет даль и ударит
По макушкам приветственный луч.
Этим светом сверкнул мне Всевышний
Прямо в сердце отцовский привет.
В это утро я в мире не лишний,
Помудревший на целый рассвет.

Март 2002 г.

Женушке

Подумать есть о чем –
Нежданная разлука
На месяц долгий
Разделила нас.
Но странно, женушка,
Такая штука,
Тебя мне не хватает лишь сейчас.
Наверно, годы нас сроднили,
Притерли и переплели.
Детей хороших мы родили
И от нелепостей себя уберегли.

А помнишь, милая,
Как разрубить хотели
Союз наш брачный
Мнимые друзья?
Но мы-то сохранить себя сумели
И, как бы ни было,
А есть у нас семья.
Есть три дочурки, милые проказы,
Любимые и любящие нас.
Храни вас Бог от порчи и от сглаза.
Жду встречи трепетно,
Считая каждый час.

1999 г.

***

Гул мотора, бетонка.
Впереди – никого.
Рядом в кресле девчонка.
На всю мощность колонки
Выдают «Статус Кво».

В край болотин и леших
От дымов и огней,
От проблем надоевших,
От людей ошалевших
Убежать поскорей.

Рок, дави перепонки,
Рви по полной, движок!
Рок мой – это девчонка.
Лентой в бездну – бетонка!
Я с судьбою игрок.

Но нам думать не к спеху.
В полночь встретит нас март.
Там, где речка и эхо,
Нежность губ, россыпь смеха...
Вот он, бешеный фарт!

С ночью не разминутся,
Мы обнимемся с ней.
Души нежно сольются,

Будто в сон окунутся,
Станут чище, добрей.
1989 г.

***

Немецкая каска второй мировой
Лежит на столе – реквизит театральный.
И вспомнился сразу же образ печальный
Любимого деда – навек молодой.

Он без вести сгинул в сорок втором.
Кузнец дед Иван, двадцать семь ему было.
Лишь мама да бабушка знают о том,
Что нет похоронки, а значит, могилы.

Наверно, о внukе он тайно мечтал,
Когда пролетали гусиные стаи.
И странно до боли – меня он не знал,
Не знал и не ведал, а я его знаю.

Идеи, религии, СПИД, беспредел –
На души открыта повсюду охота.
Все это химера, дороже мне дед
В буденовском шлеме на стареньком фото.

Немецкая каска второй мировой
Лежит на столе – реквизит театральный.
В германском kraю чей-то внук озорной
На дедово фото глядит поминально.

1998 г.

Бабье лето

Разлилось мягкой музыкой
Теплых тонов бабье лето.
С каждым годом восторженней мы
Принимаем рассветы.
С каждым новым рассветом
Короче становится день.
По утрам нам зима
Серебром посыпает приветы.

Будут выюги, морозы
И солнце плескаться в снегу.
Будут звенеть капели
И тихие белые ночи.
Только золотом прежде
Одарит меня на лету
И напомнит, что год, еще год
Пролетел, между прочим.

Что даровано Богом,
Желаю безбедно прожить.
Пусть все дни наши
Будут любовью согреты.
Раз в году, как и в жизни,
У нас может быть —
Вдруг придет, удивит
И сразит бабье лето.

1992 г.

Театру «Отражение»

Театр для артиста объемней, чем действие.
Все сыграно будет — любовь и злодейство.
Театр для вас — это родственность слез.
И прав режиссер, он впряжен в этот воз.
Он первый обидчик и первый помощник,
Он в роль тебя вводит — ты принц и лотошник,
Ты добрая фея, ты гад и слизняк...
И в образ влезаешь — иначе никак.
Иначе без веры не будет удачи —
И зал не смеется, и зритель не плачет.
Задача актера — до сердца прошить.
Чтоб души раскрылись — добром окрылить.
Но чтобы спектакль заработал, зажил,
Здесь нервов и сил всяк мешок положил.
Есть жуткие ссоры за первенство в ролях.
Но ты же, артист, будь готов к этой боли.
Она неизбежна, не нужен укор.
За все отвечает один режиссер.
И если ты в чем-то кого-то слабее,
Уверенней стань, будь в работе смелее..

Воздастся тебе за инистовский труд.
Признанье с успехом, поверь мне, придут.
Сотрутся обиды, исчезнут, как пар.
И прошлую боль ты оценишь, как дар.
Все вместе в потугах родите премьеру.
И все погрузится в любви атмосферу.
Театр – это храм, где живет очищенье.
Пусть храм этот будет – театр «Отраженье».

1999 г.

Валентин Степанов

Член Союза писателей России, автор книг юмористических рассказов «Смехотерапия», «Смехокарусель», «Смехокалейдоскоп», «Смехопад».

Бесплатные услуги

Я свое нигде не упускаю: как узнаю, где что бесплатно – сразу туда. Надо успевать, а то скоро за все будем платить. Говорят, за роды стали брать. Одна не заплатила – ей рожать запретили. Так и ходит с животом.

Умирать – тоже нет расчета: умер, закопали – плати налог на землю. Со жмурика многое не возьмешь, так они с родни выколачивают; родни нет – соседей трясут: помянем, говорят, такого-то, земля ему пухом. Платят, а куда денешься.

Поговаривают, что за жен будем отстегивать. Воспользовался услугой – заполни декларацию, заплати налог и спи.

За все платить – без штанов останешься, поэтому ловчить приходится. Правда, тут как-то промашку дал. Вызвал бригаду спасателей и прыгнул в колодец. Пусть, думаю, повозятся, раз бесплатно. Всю ночь просидел, только утром приехали. Такой подлянки не ожидал: мало того, что покалечился, так еще и за услугу содрали.

После этого стал умнее: все, что бесплатно, в книжечку записываю. «Скорая», пожарная, милиция – этих каждый деньзываю.

Вот и в тот раз. Сижу вечером – скучотища, дай, думаю, пожарным звякну. Спички в руки, облил сарай керосином и поджег. Сам бегом домой, вызвал огнеборцев и залез под одеяло. Ох, и помаялись они! Огонь с сарай перекинулся на дом, и он загорелся. Чувствую, припекает, глянул – на мне одеяло горит. Соскочил – и в окно. Повис на дереве и болтаюсь. Пожарный сук срубил – я свалился. Прямо на голову. Какие-то отморозки подбежали.

-С тебя, - говорят, - сто баксов.

-За что??!

-А за то, что тротуар проломил, - и показывают трещину в бетонной плите.

Фельдшер «скорой» голову потрогал, да, говорит, трещина. Затолкал меня в машину – и помчались. Всю дорогу прыгал и бился о потолок, поэтому не заметил, как приехали.

Санитар схватил меня за ногу и поволок в приемник.

-Что вы делаете! – кричу. – Не имеете права!

-Скажи, - говорит, - спасибо, что дорогой не выкинул! Думал, даром на коляске покачу?! Халявщик!

Врач, правда, с пониманием отнесся.

-Ну что, - спрашивает, - лечиться будем или как?

-А у вас бесплатно или платно?

-У нас – по-всякому.

-Тогда – бесплатно! И чтобы палата была просторная, со всеми удобствами, и чтобы весело было!

-Ладно, - говорит, - будет весело, - и ушел.

Следом санитарка зашла, и сунула мне в рот таблетку.

-Что это?! ОТ чего??!

-А кто его знает. От больных остается – не выбрасывать же. Тут же вытащила флакон дихлофоса и фукнула мне в нос.

-Ну как, весело?

Я забадел.

-Ага, - говорю, кайф!

Очнулся на другой день. Лежу на полу, рядом – «утка» и какой-то мужик.

-Где это мы?! – спрашиваю.

Он не ответил.

Смотрю – медсестра идет.

-Когда кормить-то будут?! – спрашиваю.

Она засмеялась:

-Кто вам сказал, что кормить будут? Вы – на голодной диете.

-А лекарство когда дадут??!

-Так, вам уже дали.

-Тогда хоть воды налейте!

-А вот это – нельзя! Лицо распухнет – родственники не опознают! Труп мужчины, который лежит рядом с вами, не востребован по этой причине.

У меня в груди все сдавило, волосы вздыбились, соскочил – и домой.

Через неделю начал восстанавливаться, но волосы стоят торчком. Жена хочет сдать в больницу: там, говорит, хорошо, все бесплатно, а кормят, как на убой. Я подумал и согласился. Надо успевать, пока бесплатно.

На овсах

Ближе к осени, в период созревания овса, повадился к нам на поле медведь – любят они сосать молочно-восковые метелки. Все бы ничего, но больше мнет, чем ест. Реши пугнуть.

Отец нашел в чулане старую берданку и один патрон, заряженный дробью на рябчика, - больше не было.

Посреди поля росли две старые березы, под которыми мы отыхали во время полевых работ; на них-то, по совету отца и решили сделать лабаз – площадку, на которой охотники поджидают зверя.

На высоте около трех метров закрепили большой плетеный короб, в которых зимой рыбу взят. Отец наказал:

-Придет – стреляйте в воздух и кричите что есть мочи – напугаетсЯ и уйдет.

На задание послал меня и старшего брата Захара.

В корзину залезли засветло. Захар взял ружье, я – топор. Просидели всю ночь – не пришел. То ли потому, что замерзли и чихали, то ли еще почему, не знаю.

На другой день брат так и сказал: «Если опять замерзнем и расчихаемся, не спугнуть нам его!» Отец, понимая к чему тот клонит, вяло махнул рукой, давая негласное согласие, но предупредил: «Чтоб только – «для сугрева», не больше!»

Захар всю дорогу шутил, обещая проучить зверя как надо.

Дойдя до лабаза, быстро залезли в короб и затаялись.

Начало смеркаться. Яркие августовские звезды замигали над головой.

Захар запустил руку в мешок, вытащил бутылку самогона и разлил по кружкам.

-Давай, Игнатий, по маленькой, а то, боюсь, как бы нам не расчихаться опять. Он чуткий – сразу поймет. Мне охотники рассказывали: как-то пришли, а медведь уже поджидал их на лабазе. Ружья побросали и убежали.

В общем, выпили мы по кружке, сидим, огурцами хрустим. По телу тепло пошло. Смотрю – брательник ежиться начал.

-У тебя, - спрашивает, - мурашки по спине не пробегали? Давай-ка, еще по одной.

После второй «первач» сработал и незаметно уснули.

Ночью чувствую, кто-то корзину трясет. Глаза открыл – мать честная! Медведь! Перекинул лапу через край короба и «расчесывает» брата когтями. Я от страха зажмурился и, что было сил, ударил топором, но не по лапе, а по крепежной веревке. Захар тоже проснулся и выстрелил в воздух. Явно не ожидая такого приема, медведь кубарем полетел

вниз, мы в корзинке полетели следом.

Ударившись о землю, косолапый соскочил и бросился к лесу. Захар от страха побежал за ним, думая, что это я. Но когда понял, что ошибся, с еще большей скоростью метнулся обратно, догнал меня и быстро скрылся из виду.

Когда прибежал домой, штаны Захара болтались на веревке, а сам он сидел на крыльце в трусах, ежился и постукивал зубами.

На овес больше не ходили. Да и медведь с тех пор не появлялся.

Советы начинающему

Я раньше писал все как есть, поэтому редко печатали. Спасибо нашему сотруднику, научил.

-В нашем, - говорит,- деле, - нужно знать не только про кого, но и что писать. Принес ты, скажем, рукопись к лысому редактору, а в ней – про лысого бандита. Что нужно сделать? Нужно или лысину «закрыть», или «перенести» ее на голову отважного участкового, который ловит бандита. Тут, брат, смекалка нужна! Я как-то написал рассказ о мошенниках – не прошел. В чем же, думаю, дело? Оказалось, что родственник важного чиновника работает в коммерческом банке – мог обидеться. Написал про пожар – не пропустили, потому что связ главы администрации – пожарный. Надо было показать отвагу на пожаре, а я написал, что все сгорело.

-Ну, а про рыбалку? Про костер? Уху с рюмочкой?

-Что ты! Какая рюмочка? Тут один известный человек на рыбалке так нарезался, что в костре чуть не сгорел, а ты говоришь: уха!

-А про взятки?

-Да ты, смотри, вчера родился! Конечно, нет! Правда, если взятку берет положительный герой, например, наш мэр, тогда можно.

-А про любовь, так сказать, без отрыва от производства, в тиши служебного кабинета?

-Нет, тебя точно в капусте нашли! Разве можно «про это»? Что о себе подумают уважаемые люди? А если до семьи дойдет?

-Ну, а про солнышко, цветочки?

-Про солнышко можно, про цветочки – нельзя! Один влиятельный человек из верхнего эшелона подарил dame букет с запиской, а муж ее прочитал. С тех пор у damы аллергия на цветы, а у авторитетного человека – нервный тик после сотрясения мозга.

-А про что же тогда писать?

-Можно, например, про охоту. Хотя нет, про охоту нельзя – Петр Кузьмич обидится. Он на охоте зайца за медведя принял, ну и, понятно, испугался – «медвежью болезнью» перенес. Напиши-ка лучше про курорт.

Нет, про курорт тоже нельзя – Марию Ивановну обидишь. Она на курорте отдыхала, а мужу сообщили совсем другое.

-Так про что же тогда писать?

-Про что?.. Ладно, скажу, только между нами: пиши про что хочешь, но о начальстве – как о покойнике: или хорошо, или ничего. Пиши, например, про пожар, на котором все сгорело – не забудь подчеркнуть руководящую роль местной администрации. Или, скажем, курорт. Пиши всю правду, но не забудь отметить Марию Ивановну, которая одна сохранила супружескую верность.

Про охоту тоже можно, но так, чтобы «медвежью болезнь» перенес не Петр Кузьмич, а медведь. Думаешь, за что меня начальство любит? А за то, что работаю «верхними полушариями» и держу нос по ветру. Иначе в нашей жизни не прожить, съедят людоеды. Вот так-то, брат!

Свадьба

Вчера товарища встретил, я, говорит, утром познакомился с одной – вечером свадьба, приходи, может, и тебе какую найдем!

Ладно, думаю, схожу, все равно делать нечего.

Прихожу, не успели сесть за стол – голос из соседней комнаты: «Горько-о-о!» Молодые встали – поцеловались. Только по стаканам разлили – «Помогите!» – кричат. Намек поняли – выложили конверты с деньгами, подарки, поздравили новобрачных. Выпили, не успели закусить – захрипел.

Прибежали на кухню, смотрим – наш тамада! Держится за живот и катается по полу. Хотел, говорит, перед свадьбой в образ войти, ихватил какую-то гадость.

Тут же вызвали «скорую», а сами – опять за стол. Выпили, спели про «кузнецика», еще выпили, еще, еще, еще, потом танцы-шманцы – и все. Дальше не помню, дотанцовывал уже без сознания.

Утром проснулся, глаза открыл – девка! Лежит на мне голая и сопит. Это кто ж такая? Начал разглядывать: на руке – «Лариса», на веках – «не буди», на ягодицах – черт с кочергой.

-Вы, я извиняюсь, кто будете? – спрашиваю.

Она глаза открыла.

-Я-то? А вот угадай, – и загоготала.

-Что-то не припомню.

-Да ты че, в натуре?! Вчера женился, а сегодня уже не помнишь?!

Нет, ты, правда, не помнишь?! А как дружок твой сбежал от невесты, помнишь? Мы с ней служили у «генерала Кумова» - тоже недавно освободилась. Она еще в зоне забеременела, а когда крикнули «горько!» - начались схватки. Невесту – в роддом, жених сбежал, а мы с тобой сели

на их место, и свадьбу сыграли. Ты еще Грише голову проломил.

-Какому Грише?

-Да ты его не знаешь – мужик мой первый. Свидетелем был у нас. Спал с нами. Ты на полу, а мы с ним – на кровати.

-Вот, думаю, вlip! Что же делать?! Посадит ведь! Как пить дать, посадит!

-Послушайте, как вас! Я ведь это... нехороший, пью каждый день.

-Ну и что, сама этим балуюсь. Пьешь – занчит, есть на что, люблю мужиков с деньгами.

-Но я уже не мальчик!

-Ничего, тоже, как говорится, не девочка. После вчерашнего.

-А если я – наркоман?

-Слушай! Хорошо, что напомнил! Сейчас шурнемся.

-Но у меня СПИД!

-Ну, ты глянь, как совпало! А я боялась про свой сказать!

-Но ты главное не знаешь. Мент – я!

-Легавый, что ли?!

-Ну, да!

-Что ж ты сразу не сказал, гад?!

Схватила заточку и с криком «Смерть легавым от ножа! Засадила под ребро.

Из больницы выписался через месяц.

Телесная рана зажила, но душевная осталась.

С тех пор о женитьбе не думаю, на чужие свадьбы больше не хожу.

Так, наверное, и останусь холостяком.

Вячеслав Смоленский

Автор многих книг стихотворений и прозы, в их числе «Дорога к себе», «Осенний одуванчик», «Капкан для фортуны», «Парадоксальная любовь».

Средняя полоса

Веки сомкну – чудеса!
Вдруг открывается
Средняя полоса –
В сердце вонзается.

Радуги пестрой коса
По полю стелется.
Средняя полоса,
Ты ли? Не верится...

Сняться дурман-леса
В сумерках розовых...
Средняя полоса
В колках березовых.

В травах июнь-роса.
Солнышко ласковое.
Средняя полоса –
Море ромашковое.

В зеркале рек небеса,
Тиши родниковая.
Средняя полоса –
Даль васильковая.

Колоколов голоса...
Боль застояла.
Средняя полоса –
Родина малая.

***

Я иду, а мне навстречу,
Легкокрылый и босой,

Выбегает майский вечер
В распашонке розовой.

Завиты сиренью кудри,
Теплый, свежий, озорной,
словно бы лицо опудрил
Поцелуями с луной.

Он берет меня за плечи.
Говорит: - Давай взгрустнем.
Ты – поэт, а я – твой вечер:
Веселее петь вдвоем.

Одному и вправду скучно.
Я к товарищам не глух:
Обнявшись, походкой дружной
Зашагали по селу.

С песней явно поспешили –
У веселости в плену.
Не поется. Мы решили
Просто слушать тишину.

Наблюдать, как уплывает
Горизонт – последний бриг...
Время чуда – солнце тает
В алом пламени зари.

Как прощаюсь с канителю,
Долгий день уходит в даль.
Как туманной акварелью
Размывается печаль.

Как в разгар чудесной притчи
Соловьи заводят спор,
Да ленивой перекличкой
Вторит им собачий хор.

Вот и звезды-забияки
Показались из-за туч,
В безмятежном полумраке
Утонул последний луч.

Время мчит неумолимо.
И простишись не на век:
Я отправился к любимой,
Вечер – к ночи – на ночлег.

Счастливый

Жизнь – река:
И бурлит и стенаст,
Пенит душу
И мрет как бурун,
Но обратной дороги не знает
Через тысячи солнц и лун.

Я ее,
Сколько бы не осталось,
Может, золотом не ограню,
Но удачу,
Пусть самую малость,
За мгновения счастья ценю.

И жестока она
И прекрасна!
Мелочами себя не травлю:
Я пришел в этот мир не напрасно,
Я однажды сказал – люблю.

Аксиома

Под мостом любви течет
Речка бурных отношений:
Брызги страсти, пену мнений
По течению несет.

Ветерок примчит сомненье –
И день на день не похож:
То всплывает раздраженье,
То выныривает ложь.

А любовь, как поезд скорый,
Из утра уходит в вечер,
У нее лишь две опоры:
Расставания и встречи.

Татьяна Степанова

Автор книги стихотворений «Когда люблю – живу», про- работала много лет учителем в школе п. Алябьевский. Ныне возглавляет филиал негосударственного пенсион- ного фонда в г. Советский.

Жалеть не буду!

Какое бледное лицо!
Почти – бесстрастно.
Бесцветный взгляд
За стеклами очков...
Ищу знакомое, родное,
И – напрасно.
Ведь ты – один из
Городских снеговиков.
Придет весна, и
Под лучами солнца
Ты превратишься
В лужицу воды.
И два стекла –
Два маленьких оконца –
Не смогут пережить
Такой беды.
А я жалеть тебя
Ни капельки не буду!
Растаешь ты.
И я тебя забуду!

В этом мире...

Между небом и землей,
Между летом и зимой,
Между будущим и прошлым,
Ненавистным и хорошим,
Между былью и мечтой,
Между гранью и чертой...
В этом мире безнадежно
Позабыта я тобой.

Слова и чувства

Пусть верить я еще готова
Словам, и жестам, и глазам
И быть обманутою сновы...
Но сердце им я не отдам!

Слова не могут передать
Всего, что душу наполняет.
Они способны и солгать,
А чувство ложным не бывает!

Ты меня потерял

Ты меня потерял, любимый...
От тоски, а быть может, от скуки
Не зови мой образ в надежде.
Белый снег — мои губы и руки,
Не согреют тебя, как прежде.

Ты меня потерял, любимый...
Так скажи, не твоя ли печаль
Светом лунным в окно струится?
Мне ведь тоже немногого жаль,
Что прошедшее не повторится.

Ты меня потерял, любимый...
Я, увы, не смогла уберечь
Свое сердце от слов обманых.
Потому и не будет встреч
Ни случайных, ни долгожданных.

Ты меня потерял, любимый...
Бродит память у тех берегов,
Что казались полоской синей.
Но в предчувствии близких снегов
Край озерный оделся в иней.

Не приемлю!

Мир полон голосов:
Начальственных и робких,
Глухих, как сто веков,
Тяжеловесных, легких,
Дрожащих от обид,
Чуть слышных – от тревоги,
Знакомых и родных,
И ласковых, и строгих.
Течет, течет ручей
Различных голосов:
От лепета детей
К молитвам старииков...
Пусть будут голоса,
Вдыхающие жизнь,
Пусть будут голоса,
Вгоняющие в землю!
Но вот «елейных» голосов
Я – не приемлю!

Николай Бакалов

Николай Бакалов – один из самых почтенных стихотворцев района, кроме того, - самый старейший внештатник районной газеты. До выхода на заслуженный отдых работал инженером в Малиновском леспромхозе. В 1997 году он выпустил отдельной книгой поэму «История Куликовской битвы», а в 2000 году сборник стихотворений «Вехи времени», в 2006 году – «Осеннее озарение». Его стихам присуща мягкая ирония и добрый юмор.

На свидание

Вечереет. Минус тридцать.
Валил пар от жарких губ –
Я спешу к моей жар-птице,
Громко снег скрипит: хруп-хруп...

Вот и дом моей любимой,
Из трубы идет дымок.
Пес залаял незлобивый.
-Принимай гостей, дружок!

Улыбнулося окошко
Ярким светом. Из-за штор
Машет милая ладошка
И... туманится мой взор.

Эх, подвинься душа

Слева-справа заснеженный лес.
Поезд в сумраке нудно плется.
Проклинаю я в нем МПС,
Моя челюсть от стужи трясется.
Грязный, видевший виды вагон,
Сквозняки в нем гуляют по полкам...
Я комфортом таким окружен,
Что мне хочется выть серым волком.
У железной дороги в плену

Мы живем, дорожают билеты...
Почему, почему, почему
Нет в вагоне ни чая, ни света?
В туалете замерзло «оно»,
Мочит рельсы мужик в переходе...
Растуды твою! Благо, вином
Я запасся на частном заводе.
Эх, подвинься в сторонку, душа!
Пропусти-ка горючую влагу...
Как опять стала жизнь хороша!
И как рвутся стихи на бумагу.
Наливаю соседке сто грамм,
Пью за лучшую жизнь в новом веке...
Ах, мадам, ах, мадам, ах, мадам,
Жить неплохо и в нашем отсеке!
Подливаю я ей и себе
В кружки щедрой рукой самопала –
Двое нас в леденящем купе,
Все теплей нам от шуток и сала.
Темнота не помеха в любви,
А скорее родная сестрица –
Как играют гормоны в крови!
Сколько страсти в попутной девице!

На болоте

Солнце, болото и мы...
День на октябрь не похожий,
Редкий в преддверье зимы –
Ласковый, тихий, погожий.

Клюква – то ярко блестит
Россыпью щедрой вишневой,
То виновато грустит
Матовой синью терновой.

Полнится быстро ведро
Кислой тугой карамелью –
Так уж давно не везло
Нашей семейной артели.

Благостен теплый покой,
Дома остались проблемы...
Только работай рукой,
Стоя во мху по колени.

Чавкает смачно вода,
В шутку аукают дети.
В нашем болоте страда –
Нет ее краше на свете.

Станислав Юрченко

Член Союза писателей России. Автор поэтических сборников «Переулки забытых свиданий», «Облака на закате», «Таежный родник», «Потерянный брод» и др.

КОСТЕР

Ствол березы источенный
языками огня:
жгу костер на обочине,
непогоду кляня.

Пепел в небо уносится,
серый снег ноздреват,
небо сизое с проседью,
словно выцветший плат.

По велению Божьему
я заброшен сюда,
в край болотный, нехоженый,
где царят холода,
где погосты таежные
множат меты могил
в это время тревожное
поножовщин и вил.

И, наверно, поэтому
в дни сомнений глухих
все вдруг стали поэтами,
лихо строчат стихи.

Между правдой и кривдою
рваным шрамом — межа
с застарелой обидою
на итог дележа.

Между былью и небылью —
только шаг небольшой,
все измерено прибылью,
даже совесть с душой.

И щемит под грудиною,
ноет – что ж это есть?
Где нас грешных покинули
благородство и честь?

Знать беду напророчили
на родной стороне:
вот и жгу на обочине
все, что выпало мне.

5.03.05 г.

***

...а когда я исчезну в ночи,
за крутым поворотом,
уплыву по неведомой в мире,
но вечной реке,
не грусти обо мне
подле свеч, истекающих потом,
удержи свои слезы и крик,
словно птаху в руке.

На помин мне отрежь
добрый ломоть пшеничного хлеба,
и наполни стакан до краёв,
не пугаясь примет.
Там в незримой стране,
где колышется странное небо,
я тебя подожду,
если надо, и тысячу лет.

9.03.05 г.

КАЗНЬ

Я – не мертвый пока,
и уже – не живой:
раздавило катками чугунное время,
на боку скакуна опустевшее стремя,
и бредут облака, как тюремный конвой.

Эшафота ступени.
Палач тороплив.
Рев безумной толпы, возжелавшей расправы.
Над бурлящею площадью, крылья расправив,
белый лебедь парит, одинок и пуглив.

Жалкий, гадкий утенок неясной мечты,
бледный призрак, какой-то утерянной цели,
по привычке мелькает мишенью в прицеле,
не успев, как обычно, набрать высоты.

По усопшим молитва.
Приложенный крест.
Черный шелк на глазах и скамья под ногами.
Этот путь на Голгофу мы выбрали сами,
ну, так, пусть же плывет над землей благовест.

На планете иной,
через тысячу лет,
где парад революций гремит неустанно,
пропоют нам другие безумцы осанну,
и напишут о нас то, что было, и нет.

10.03.05 г.

***

Разбилась ваза.
Раскололась льдом.
Ты прошептала, что разбилась к счастью,
но долгое, тоскливое ненастье
наполнило осиротевший дом.

Где голубело озеро в лесу,
болотною тропой, сырой и узкой,
безвременно скончавшиеся чувства
к последнему пристанищу несут.

Как, так случилось, сразу не понять—
давно любви лампада еле тлела,
ну, а за то, что рано отгорела,
по-видимому, некому пенять.

Другая ты, и я совсем другой:
разбитого не склеить, полагаю,
терпенье не всегда нам помогает
в надежде очищения благой.

Как взрыв грядущий гаснувших светил,
обречены мы были изначально.
Приметы лгут, как это не печально.
Разбилась ваза.
Раскололся мир.

14.03.05 г.

ЮГАН

Растворяется белый туман,
проступает лазурное небо,
как давно я в краях этих не был:
добрый день,
просытайся, Юган!

Узнавая родные места,
под сосною присяду устало,
человеку для счастья не мало
нужно: вера, любовь и мечта.

С верой в лучшее встречу зарю.
Как ребенок, поверивший в сказки,
заповедные звуки и краски
сам себе с чистым сердцем дарю.

И, мечтая о светлой любви,
очарованный вечным покоем,
я, как ясная синь над тобою,
погружаюсь в глубины твои.

Холодны твои струи – и пусть:
жар души этим льдом не остудишь,
с юных лет ты единственным будешь,
с кем делил свою радость и грусть.

И когда-нибудь внуков сюда
приведу познакомить с тобою,
где лечила настоем на хвое
застарелые раны вода.

С ними ласков, как прежде со мной,
будь, по-дружески всех привечая,
и пускай твои волны качают
солнца луч в колыбели лесной.

6.04.05 г.

Я ВЕРНУСЬ

Осыпая с березовых веток росу,
пробираюсь тропою к реке,
ощущение радости светлой несу,
как синицу, зажав в кулаке.

Много лет я здесь не был,
с той давней поры,
как уехал в другие места,
и сюда, где шумят золотые боры,
в веющих снах возвращался, устав.

Мне знакомы притоков твоих рукава,
где вода холодна и быстра,
где шептала мне сказки густая листва
у мерцающих углей костра.

Здесь друзей моих старых поконится прах,
разве можно об этом забыть,
а таежных урманов широкий размах
ни с какой стороной не сравнить.

Здесь я юным мальчишкой мечту повстречал,
ты, с которой прожил налегке,
ты меня на волне, как ребенка, качал,
бормоча на своем языке.

И, когда заблестит под осенним лучом
первых льдин ненадежных слюда,
я вернусь, не жалея в душе ни о чем,
и останусь уже навсегда.

5.05.05 г.

***

А после нас останется зола,
ее поднимет и развеет ветер,
и я пойму внезапно, что была
любовь твоя единственной на свете.
Костище лебедю заастет,
почти исчезнет, как не раз бывало.

Но кто-то вновь огонь здесь разведет
и станет греться, радуясь привалу,
любить напропалую, без дорог,
спеша своей судьбы не проворонить,
и чувствовать сквозь тонкий свитерок,
как замирает сердце под ладонью,
и бормотать нелепые слова,
их смысла до конца не понимая.
Костер почти погаснет, догорая...

Ну, а потом останется зола.

26.07.05 г.

ПРЕДЗИМЬЕ

Когда ледком подернется вода
и облака нависнут одеялом
над опустевшим выгоном, когда
склонится верба над рекой устало,
когда холодный ветер не спеша
листвой цветною выстелит дорогу,
откроется заблудшая душа
к покою, покаянию и Богу.

Когда на землю ляжет первый снег,
когда умолкнут в голых кронах птицы
и занавеси утомленных век
прикроют воспаленные глазницы,
когда ночной кудеснице луне
завоет выюга жалобные песни,
наперекор вернувшейся зиме
приснится сон прекрасный и чудесный.

В нем зацветут ромашки на лугу,
и юная избранница с косою
их будет собирать на берегу
умытые туманом и росою,
и напевать о чем-то о своем
с неясной грустью высоко и чисто,
и ждать, когда далекий окоём
подернется парчою золотистой.

Ну, а когда несмелые лучи
у старой ели вспыхнут на иголках,
в последний раз кукушка прокричит,
счёт завершив магический...
и смолкнет.

18.08.05 г.

МОРСКОЙ ПЕЙЗАЖ

Море.
Сколы тающие льдин.
Я брожу по берегу один,
к птичьему прислушиваясь крику,
к шепоту недремлющей волны,
к этой соразмеренности строгой,
с сотворенья освященной Богом,
где не наблюдается безликой,
не несущей жизни тишины.

Яркие и блеклые цвета
на палитре водного листа.

Синий с белым и небесно-синий,
подмывая охру берегов,
создают дрожащую картину:
бурый пополам с ультрамарином,
тени отраженных четких линий,
радужные отблески кругов.

Звук и цвет.
Движение воды.
Никакого признака беды.
Море убаюкивает душу,
грозное величие тая.
И, как ни крути, а это – норма,
мировосприятие, аксиома:
попросту, замри, смотри и слушай,
постигая сущность бытия.

Все мы – капли призрачных глубин.
Мир своеобразен, но един,
время изменить его не властно –
с бесконечным неуместен торг.
В поднебесье тают облака,
пережив мгновенья и века,
перья лебедей.
И не напрасно
в сердце переполненном восторг.

5.12.05 г.

ПОСЛЕДНЯЯ ОСЕНЬ

Здравствуй, любимая!
Сколько мы сделали глупостей,
чтобы сошлись в этом городе наши пути?
Дай мне ладонь, я прижмусь к ней щекою, как в юности,
и задохнусь от волненья, тепло ощувив.

Ты все такая же, только походка уверенней,
да паутинки случайных морщинок у глаз.
Не представляю, какою ценою не мереной

с нашими судьбами жизнь расплатилась за нас.
Хоть на седины мы не обращаем внимания,
с календарей облетели, как листья, года,
жаль только, наши прожитые на расстоянии
ночи и дни не вернутся уже никогда.

Сердцем без устали тянемся к светлому, нежному
чувству любви, от которого не отреклись.
Но не текут, как бы нам не хотелось, по-прежнему,
вспять эти воды реки под названием Жизнь.

Осень нам дышит в лицо, улыбаясь задумчиво,
след от случайной слезинки губами сотру.
Красною медью листвы осыпаясь над кручею,
кроны осин факелами горят на ветру.

20.06.06 г.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Вот купола червлёные... а вот
ведущие во Храм резные сени,
покрытый древней копотью киот
и в темной рясе сухонький священник.

Зачем сюда пришел, не знаю сам,
без видимых причин забрел и цели,
но суетные мысли к небесам
испуганными птицами взлетели.

Негромкие старушек голоса,
читающих какие-то молитвы,
свечей горящих пламя,
полчаса
стою, не отрывая глаз от ликов,
от их неколебимой правоты
знакомой мне, как будто бы с рожденья.

Почудилось какое-то движенье
у покровов пророков и святых,

что их неукротимые глаза
глядят в мои пронзительно и строго.
И кто-то, словно выдохиув, сказал:
«Ну, вот, ты и вернулся... Слава Богу!»

12.07.06 г.
г. Екатеринбург

СЛОВО

Слово было и есть, даже если убили его,
даже если сожгли на смердящих кострах инквизиций,
воды Леты несут меж высоких, крутых берегов
озарённые словом красивые, светлые лица.

Слово, в небо взлетая, победную песню поёт,
а, сорвавшись с крыла и упав, временами немеет.
Разгадает ли кто бесконечный, высокий полет
и печать немоты, не страшась, распечатать сумеет?

Первородное слово, несущее людям добро,
то на подвиг зовет, то ребенком обиженным плачет,
и опять, торопясь, на бумаге рисует перо
пентаграмму потому, что не может иначе.

Всем, дерзнувшим на это, нелегким окажется путь,
а к исходу пути память ляжет могильной плитою,
с юной удалью несколько раз попытаюсь дерзнуть,
и пойму стариком одряхлевшим, что больше не стоит.

Разуверившись в слове, тетради сожгу сгоряча,
и, хотя современником строгим не буду я признан,
те слова разлетятся по свету, как птицы крича,
и останутся жить в этом мире отныне и присно.

22.06.06 г.

ПОЭТ

Памяти Евгения Вдовенко

Негромкий и простой,
но с внутреннею силой,

он говорил: «Постой,
зачем писать уныло?
Плохого на веку
отмерено до края!»
И поправлял строку,
не повредить стараясь.

Моложе были мы
и искреннее, что ли,
в объятиях зимы
о сокровенном споря.
А осенью – в леса
за новыми стихами,
где птички голоса
звенели, не стихали.

Промчалось, пронеслось,
а главное – осталось!
Но так уж повелось
нам не хватило малость
доплыть до берегов,
где ждут любовь и вера,
по сути, без чего
все прочее – химера.

Как много лет назад,
волнуясь, вижу рядом
знакомые глаза
с лукавым, ясным взглядом,
и снова мы вдвоем
работаем над словом...

Он отдавал свое,
не требуя чужого.

18.12.06 г.

Творчество детского литературного объединения «Ростки»

*Михаил Золотов
п. Пионерский, 11 лет*

Горка

Снежную горку
Построил я зимой.
В саночках с ребятами
Катаемся гурьбой.

Кричим мы и смеемся.
Весело всем нам.
Даже расходились
С грустью по домам.

Устояла горка
До весенних дней.
Не было в поселке
Горки леденей.

**Татьяна Вдовина
г. Советский, 10 класс**

Весенняя картинка

Черемухи дикой
Пленит аромат.
Мой двор превратился
В загадочный сад.
На листьях сверкает
Алмазом роса.
У белых соцветий
Кружится оса.

Мышка

Под кустом сидела мышка.
На нее упала шишка.
Шишка мышку напугала,
Мышка в норку убежала.

Одуванчик

Надела новый сарафанчик
И вышла в поле погулять.
Там рос красивый одуванчик
Тот, что пером не описать.
Он был пушистый, белоснежный,
Чуть алый в отблесках зари.
Он был и ласковый и нежный.
Он весь светился изнутри...
Я зачарованно глядела,
Мне трудно было отойти –
Стоит цветок совсем без дела,
«Красив- то как! С ума сойти!»

*Вика Мухаметзянова
г. Советский*

Весна

Птицы весело поют,
За собой весну ведут.
Зазвенели ручейки,
Блики солнца в лужицах.
И над городом моим
Пух весенний кружится.
Скоро лес занежится,
Загустеет тень.
И запахнет свежестью
Даже старый пень.

*Анастасия Карпова
п. Коммунистический*

Я умею летать

Однажды вечером я возвращалась из школы. Шел снег. Пушистые снежинки плавно летели с неба. Красота снега завораживала. В ярком свете фонаря мне показалось, что снежинки танцуют удивительный танец, то кружатся, то стелются шлейфом, то вертятся спиралью. Я остановилась, подняла голову.

И тут случилось чудо. Оказывается, если под фонарем глядеть на падающий снег, будет казаться, что летишь вверх. И вот я уже летчу сквозь снежинки, ощущение просто необыкновенное. Я стала снежинкой – легкой. Воздушной, поднимающейся в небо. Снег окутывал меня, я не чувствовала ветра, ничего не замечала, я летела навстречу звездам и снежинкам, мне было легко и приятно. Казалось, я пролетела всю вселенную.

-Настя, что ты там стоишь? – позвала мама.

Я опомнилась, пора домой.

У меня есть тайна! Я умею летать навстречу снежинкам! Завтра вечером, если будет идти снег, позову подружку и научу ее тоже летать.

*Алена Цанько
п. Коммунистический*

Бобр

Жил-был бобр. Был он очень умный, серьезный, важный, а главное, очень трудолюбивый. Бобры, вообще, звери работящие, но этот был особенно старательный, да к тому же запасливый. В смысле, прибористый, где что найдет – непременно себе в хатку тащит.

Но однажды случилась такая история.

Бобр лег спать. Растинулся, почесал брюшко и заснул. Но его сон прервали шум, голоса, музыка. Всю ночь не мог уснуть бобр.

Наступило утро, наш бобр проснулся, потянулся и вспомнил, как его разбудили странные голоса на берегу. Он всплыл и увидел бутылку. Тонкая, прозрачная она лежала на воде. Бобр подплыл и дотронулся до нее, она закачалась и отплыла. Бобр справился со страхом, взял ее лапами и потянул под воду. Но она не плыла вниз. Бобр привычным движением снова обхватил бутылку и нырнул в воду. И снова бутылка вырвалась и вернулась на поверхность. Это выглядело так: хвать – ныр – чпок, хвать – ныр – чпок. Долго бился бобр с бутылкой, но не смог утащить ее к себе в хатку. И правильно, зачем мусорить в собственном доме.

*Сергей Пастухов
п. Малиновский*

Классная доска

Да не доска я, а доскище! Я ведь самое большое, что есть в классе – больше парты и стола учителя, больше стульев, больше окон и дверей. А на кого смотрят детки весь урок, а на чем они доказывают свои теоремы, а откуда они списывают домзад? Вот то-то же! А видели бы вы с каким ужасом на меня смотрят родители на собраниях!

По натуре я чистюля. Люблю, чтобы меня мыли чистой водой и протирали сухой тряпочкой. Люблю, когда мелом пишут на мне ровные строчки, без лишних помарок и зачеркваний. Люблю праздники, когда разноцветными мелками рисуют разные поздравлялки.

А еще люблю, когда на меня двадцать-две пары глаз смотрят каждый день да по несколько уроков!.. Иногда приходит мысль о

том, что, может быть, я на самом деле – телевизор! Потому и смотрят на меня – любуются, потому и пишут на мне – хотят прикоснуться...

Как и у каждой звезды, у меня есть поклонники, что восхищаются мной и все время спешат подойти ко мне; есть и те, кто мне откровенно завидует: они всегда косятся на меня недоверчиво, а уж выйти ко мне для них – такой тяжелый труд!... Хорошо, что таких немного!

Забытый портфель

Я – потеряшка. Мой хозяин случайно оставил меня в кабинете №204 и почему-то не смог найти. Теперь я – экспонат школьного музея. Есть на что посмотреть. Думаю, ни одна легкая промышленность страны, да что там страны, всей планеты, не сможет за один раз сочинить такой дизайн. Надо мной поработали заботливые руки парнишки. Не один день, не один месяц потребовался, чтобы я принял свой теперешний вид. Зато я образчик граффити.

Как славно катались мы с горок! То хозяин на мне, то я на хозяине. Второе, к сожалению, было реже, что сказалось на толщине моей задней спинки.

Какие битвы мой владетель выигрывал с моей помощью! Я был очень точным снарядом, был «ударным» инструментом, а как-то раз был бумерангом – полетел в собственного владельца, и довольно метко полетел. Вот были у нас денечки. Что ни день, то заварушка; что ни вечер, то драка. Не, ну иногда я все-таки немного завидовал своим спокойным соратьям. Иногда тоже хотелось нести учебники и тетради, а не очередную бедную серую мышку. Иногда хотелось, чтобы меня чинно ставили рядом с партой, а не залихватски зашвыривали в конец класса. До клацанья в замке хотелось спокойно пообщаться с каким-нибудь розовеньким портфельчиком, обсуждая прелест солнечной весенней погоды перед пасмурной дождливой осенью.

Теперь я спокойненько вишу в музейной комнате, и тихонько вздыхаю – я потеряшка.

*Ксения Лисицына
n. Пионерский*

***

Свеча печально догорает,
Она жива еще огнем.
И, как снежинка, кротко тает
В объятье пламени немом.

Мне чужды все ее волненья,
Не слышу голоса ее.
Я – как она, живу в смятенье,
И слезы лью, как у нее.
Она горит печально, быстро,
А я – надежду затая.
Она пылает золотисто,
А я горю внутри себя.

Я – это я!

Где-то солнце садится,
Пряча ярко лучи...
У природы учиться,
Отыскать все ключи.
Жить не трудно и трудно,
Но мечтать мне дано,
Все решать абсолютно,
Помнить: жизнь не кино.
Мне ночами не спится
И, страданья тая,
Продолжаю учиться,
Просто я – это я!

СОДЕРЖАНИЕ

«Кедр» и «кедровцы».....	4
Владимир Фомичев «Восходящая звезда», глава из романа «Север Северище».....	16
Вечер встречи.....	25
Светлана Артемова (Пахтышева).....	28
Владимир Волковец.....	33
Людмила Ветрова.....	36
Мария Вяжевич.....	40
Александр Губанов.....	42
Александр Игумнов.....	51
Борис Карташов.....	66
Александр Загоровский.....	74
Анатолий Казанцев.....	96
Александр Смирнов.....	101
Валентин Степанов.....	108
Вячеслав Смоленский.....	114
Татьяна Степанова.....	117
Николай Бакалов.....	120
Станислав Юрченко.....	123
Творчество детского литературного объединения «Ростки».....	134

ПОД СОЗВЕЗДИЕМ «КЕДРА»

Литературный альманах

Составитель Волковец В.М.
Дизайн и верстка Трифонов Д.Н.

Сдано в набор 6.03.2007 г.
Подписано в печать 16.03.2007 г.
Формат А5. Печать офсетная
Усл. п.л 8,9
Гарнитура Times
Тираж (250) Заказ №739
Лицензия ИД № 1441 от 05.04.2000г.

Отпечатано в ОАО «Советская типография»
628240, ХМАО-Югра, Тюменская область,
г. Советский, ул. 50 лет Пионерии, 11 «в».
тел. (34675) 3-18-02, тел\факс 3-22-09

200 p.

фото на обложке А.Васина